

new.vk.com/darkfairytale

Точка плавления

— Новелла серии "Горячие парни Чикаго" —

Кейт Мидер

Серия: Горячие парни Чикаго - 1,5

У пожарного Гейджа Симпсона есть все: работа его мечты, семья, которую он любит, и избыток парней, строящихся в очередь, чтобы разделить с ним постель. "Весело и легко" — вот его девиз, который позволил ему успешно справиться с болезненным воспитанием и удержал вдали от опасностей. Но когда проблемы приходят и стучатся в дверь в виде сексуального, татуированного шефа со шрамами, мучительным прошлым и нулевыми навыками коммуникаций, Гейдж не может не потянуться к огню.

Брейди Смит не веселый. И слово "легкий" тоже нет в его словаре. Когда дерзкий Гейдж с важным видом заходит на кухню его ресторана, бывший морской пехотинец, ставший пятизвездочным шефом, оказывается ослеплен красотой пожарного. А затем смущен тем, что этот золотой мальчик с сияющими голубыми глазами и телом бога может заинтересоваться им. Когда желание нарастает и температура накаляется, Гейджу и Брейди предстоит выяснить, является ли жар между ними просто временной вспышкой или началом чего-то настоящего...

Кейт Мидер

Точка плавления

Серия: Горячие парни Чикаго - 1,5

Над переводом работали: Ирина Васина, Наталья Ульянова

Бета-ридер: Мария Суркаева

Русифицированная обложка: Мария Суркаева

Глава 1

“Что ж, привет, Золотце, как дела?”

Брейди Смит практически расплавился от вида этой гладкой, загорелой кожи, плотно натягивающейся над шестью кубиками пресса Гейджа Симпсона. Струйка пота, стекающая по его груди, такая же ленивая, как его пиратская улыбка, делала рот Брейди сухим, а ноги ватными. Микеланджело впал бы в ступор, если бы увидел эту модель скульптурных мышц во плоти. Может, даже свалился бы с подмостков Сикстинской капеллы.

Гейдж уже был произведением искусства и его гребаная идеальность не требовала никакого улучшения.

Низко висящее вечернее сентябрьское солнце придавало всей этой красоте глянцево-сияние, тщетные усилия матери-природы улучшить то, что не нуждается в улучшении. Впрочем, у нее это получилось: котенок, свернувшийся на руках у Гейджа, сиял, как неоновый шар...

Биииииип!

Водитель, стоящей позади Брейди машины, просигналил, дав тем самым ему понять, что он задерживает движение, пялясь на огромный билборд по Западной Авеню.

“Да, да, охлади свой пыл, говнюк”.

Брейди ударил по газам и рванул вперед на своем “Харлее Дина Глайд”, оставляя билборд позади. Предполагалось, что это будет краткосрочная сделка, не больше месяца, только чтобы продвинуть благотворительный календарь с горячими пожарными. Дополнительным бонусом было создание хорошего, или хотя бы изменение к лучшему, мнения горожан о Чикагском Пожарном Департаменте. Сводный брат Гейджа, Люк, коллега пожарный, был пойман на камеру дравшимся с детективом полиции, поэтому были приняты экстренные меры, чтобы заставить ЧПД выглядеть компанией мальчиков из хора.

Полубоженных, загорелых, держащих котят мальчиков из хора.

Шесть минут спустя Брейди подъехал к своему месту назначения: Дэмпси на Дамэн, бару, который открыл последний приемный отец Гейджа, Шон. Символ в виде кельтской буквы с клевером, изображавший “E”, висел над большой дубовой дверью; “The Boys are Back in Town” группы Thin Lizzy ^[1] гремела в воздухе. Ваш оживший Дисней-ирландский кошмар. Пару минут Брейди сидел на байке, психологически подготавливая себя к ожидающему впереди празднику жизни. Он был здесь только ради своего тату-мастера Дарси. Ладно, своего друга Дарси. Ее парень, Бэк, ещё один из вывода приемных болванов Дэмпси, сделал ей предложение. Сейчас они отмечали это событие с семьей и друзьями. Совсем не в духе Брейди.

Время взять себя в руки. Глубоко вдохнув для храбрости, он обошел здание, чтобы попасть в патио на заднем дворе, место для частных вечеринок. С каждым дающимся с трудом шагом жужжание сдобренного алкоголем веселья становилось все громче, как и шум в его крови.

Черт, он нервничал.

Между деревьями, растущими на заднем дворе, были развешаны мерцающие белые огни, освещающие улыбки на лицах людей, сидящих за столом для пикника с выпивкой в руках. Брейди оглядел толпу, убеждая себя, что делает это в поисках Дарси. Он без труда обнаружил ее, бледная, покрытая татуировками рука обнимала Бэка за талию, ее волосы

цвета воронова крыла лежали на его груди. Также осмотр Брейди включал в себя мужской кивок Люку и полуулыбку в сторону девушки Люка, Кинси, которая и организовала календарь “*Мужчины на Пожаре*” и те возбуждающие билборды.

В груди Брейди поднялась паника, когда единственный человек, которого он хотел, *нуждался*, увидеть, не попал в поле его зрения.

— Могу я предложить вам “Ковбой Членосос”?

Брейди резко развернулся, сообразив, что, заходя во двор, прошел мимо импровизированного бара, который установили, чтобы поддерживать уровень выпивки и развязности на вечеринке. Трио хихикающих женщин облокотились на стойку, их глаза, и другие части тела, указывали на Гейджа.

Который был одет в гребаную ковбойскую шляпу.

— *Что, простиииии?* — взвизгнула одна женщина, обладательница пары сисек, которые даже Брейди мог признать достаточно зрелищными.

— Один из моих лучших коктейлей, леди, — пояснил Гейдж с улыбкой, разбивающей сердца. Его футболка гласила: “Пожарный. Потому что Хулигана нет в списке профессий”, а в руках у него была карта, похожая на меню. — Персиковый шнапс и Бэйлиз. Или может вы предпочитаете “Раздвигатель ног”: текила, водка, ром и джин. Смешайте все основные напитки и они гарантируют вам такое прекрасное времяпровождение, какое не сможет ваш мужчина.

Девушки оценили такую маркетинговую стратегию. Сиськи на шпильках спросила:

— Как насчет “Секса на пляже”?

Гейдж удрученно покачал головой.

— Звонили шестидесятые, дорогуша, просили вернуть им их коктейли. Потом вы потребуе “Харвей Уолбэнгер”^[2] и мне придется лишить вас спиртного до того, как все начнется. Не заставляйте меня делать это.

— *Нет, не надо нас ничего лишать!* — последовало еще больше заигрывающих/отчаянных просьб, вперемешку с заказом трех “Раздвигателей ног”.

Оставаясь незамеченным, Брейди восхищался легкой, гибкой грацией Малыша Тора, прозвище, которое Кинси дала Гейджу. Обычно Брейди не привлекали блондины с серебристо-голубыми глазами, которые искрились опасным приглашением. А также хитрые усмешки или сильная челюсть, уже примерно сутки не видевшая бритвы. Ничто из этого не волновало его, потому что Брейди считал себя способным устоять перед очарованием двадцатичетырехлетнего плейбоя, который мог заполучить любого желаемого парня, просто щелкнув пальцами.

Ничто из этого не волновало его до Гейджа.

Когда Гейдж около трех месяцев назад зашел на кухню “Смит & Джонс”, мозг Брейди закоротило от вида такой красоты во плоти. Каждая новая встреча только усиливала привлекательность Гейджа, но тот первый раз, боже, это было похоже на то, как взмыть из глубокой, холодной дыры к ослепляющему, очищающему солнечному свету.

Это была пятничная ночь июня, шел третий месяц со дня начала работы “Смит & Джонс” и кухня, наконец-то, вошла в ритм, все это взаимодействие, которое присуще великим командам. Отзывы были хороши, доходы еще лучше, и после нескольких потерянных лет, Брейди, в конце концов, начал ощущать себя на своем месте. Он как раз был занят контролем блюд, подаваемых в зал, и Хавьер, его су-шеф, отпустил шуточку о сырых куриных грудках и о том, как те выглядели... ну, это надо было видеть.

— Брейди.

Глубокий бас Эли Купера прорвался через звон и шипение, царившие на кухне. Бывший второй человек в команде морских пехотинцев Брейди в Афганистане, Эли тогда спас Брейди и с тех пор спасал еще несколько раз. Будучи действующим мэром Чикаго он привык поступать по-своему. Завалиться на кухню к Брейди без приглашения было типичным проявлением эгоцентризма.

— *Эль хефе*^[3], — пробормотал Хавьер, изобразив рукой жест, будто удовлетворяет себя.

Брейди повернулся, не ожидая, что его мир изменится. В конце концов, это была обычная рабочая ночь. Рутинный восемнадцатичасовой день, когда Брейди занимался тем, что любил больше всего: создавал наслаждение своими руками.

Но Эли был не один.

Брейди не было свойственно ударяться в преувеличения, но парень с Эли был просто чертовски сногсшибательным. Блондин с сексуальной щетиной на щеках. Мышцы, которые наработаны не в тренажерном зале. Глаза, как голубые росчерки молний посреди штормового моря.

Брейди подошел, ощущая тяжесть в ногах, каждый шаг отдавался гулом в его теле.

— Брейди — это Гейдж Симпсон, — сказал Эли. — Он большой поклонник. Мистер Симпсон, познакомьтесь, Брейди Смит, шеф-повар и владелец “Смит & Джонс”.

Мистер Симпсон — Гейдж — тут же протянул руку. Брейди не приветствовал физический контакт, но признавал, что если хочет притворяться членом человеческой расы, то это требует налаживания социального контакта, так что обычно он ограничивался быстрым пожатием. Но сейчас его затопил страх. Что если Горячий Парень обратит внимание на странность или заметит, что Брейди испытывает отвращение, когда его трогают?

“Верно, потому что то, что ты просто уставился на его протянутую руку, словно та покрыта проказой, уже не выдало тебя с головой”.

Брейди схватил и пожал руку. Его касание было крепким, отчего электрический импульс пробежал вверх по руке Брейди. Татуировки охватывали кругами бицепсы Гейджа: *трилистник* с именем *Шона* и *Кельтская лента* слева, переплетенные буквы *CFD*^[4] и *Логан* справа. Имена двух погибших пожарных, Брейди знал об этом, потому что видел такие же татуировки на другом человеке, парне Дарси. А это значило, что мужчина перед ним был сводным братом Бэка, Дэмпси и пожарным, в придачу.

Горячий, гей — боже, пожалуйста, пусть это будет так, или же справедливости не существует — пожарный.

Закатай губу, Смит. Гей или нет, такие парни не западали на неприглядных тридцатичетырехлетних ветеранов морской пехоты с лицом, делающим их похожими на дублера Фредди Крюгера.

И словно он был еще недостаточно совершенным, Золотой Бог заговорил своим хриплым голосом, от которого каждый волосок на теле Брейди встал дыбом.

— Я здесь со своей сестрой и когда мы не смогли заполучить столик, то заказали закуски в баре. Жареные кальмары с беконово-овощным айоли? Это было гениально. Чертовски гениально.

Слова вылетали слишком быстро, будто спотыкаясь друг о друга. Ха. Так он... нервничал? Брейди бросил взгляд на Эли. Может, Гейдж испытывал слабость к мэру, что не будет таким уж необычным, потому что у Эли был долбаный Тамблер^[5], посвященный его

звездной привлекательности. Эли просто наблюдал за ситуацией, бесстыдно развлекаясь.

Все еще удерживая руку Брейди, Гейдж снова заговорил. То, как двигался его рот, когда он произносил слова, сделало Брейди каменно твердым.

— Однажды, я вернусь и продегустирую все меню. Ваши блюда ужасно дорогие для того, кто живет на зарплату пожарного и мне понадобится копить месяцами, но к тому времени, я как раз сумею зарезервировать столик, — мужчина рассмеялся, словно сказал что-то забавное. Разве он сказал что-то забавное? Брейди это нахрен не волновало. Он мог бы вечность слушать, как говорит этот парень. — Исходя из того, что я получил сегодня, знаю, что это будет того стоить.

Тем не менее, Брейди не мог выдавить из себя ни единого слова.

“Да, ты прав, моя еда превосходна и дорого стоит. Но я использую лучшие ингредиенты и вкладывают в нее каждую частичку своей души, так мне не приходится думать о том дерьме, которое я делал, или о тех вещах, которые я видел”.

Вероятно лучше сохранить этот ужасно остроумный ответ при себе. Неохотно Брейди отпустил руку Гейджа.

Эли задвинул какой-то бездарный анекдот о том, что Брейди любит поговорить о своей работе, а затем спросил Гейджа, нравится ли тому готовить. Гейдж все еще удерживал своей взгляд, прикованным к Брейди. И этот взгляд прорывал три слоя его плоти, прожигал кислотой его кости и обнажал суть.

— Нравится.

Святое дерьмо, этот парень с лицом, телом и голосом гребаного бога... *флиртует с ним?* Где-то поблизости должна быть червоточина, потому может такое и было возможно в другой вселенной, но уж точно, черт побери, не в этой.

Эли все еще говорил.

— ... еда... сбор средств... понедельник... — а затем они оба направились к выходу, пока Брейди ломал голову на чем-то, *чем угодно*, что могло бы сообщить, что он распознал некоторые скрытые сигналы, даже если не до конца понимал их причину.

Он собирается... он собирается... он собрался...

Брейди повернулся обратно к линии и с отчаянным выдохом проскрипел:

— Позвони мне.

Если он полностью неверно истолковал сигналы, то мог бы сделать вид, что имел в виду Эли. А если пожарный был действительно заинтересован, тогда этот мяч был в его ворота. Брейди был большим поклонником того, чтобы бросить мяч на другой конец поля и оставить кому-то другому разбираться с ним. Эй, просто посмотрите его военные записи.

Двенадцать секунд и его посетители ушли, но воздух был слегка приправлен мужским запахом и росчерком надежды.

Неделю спустя Гейдж позвонил.

Еще через неделю Брейди поцеловал его.

А через пять секунд после *этого* он запаниковал и сказал Гейджу отвалить.

Но Гейдж не сдавался. Он преследовал Брейди. Он, черт возьми, *добивался* его.

И с каждой встречей все было так же, как когда он увидел Гейджа в первый раз. Его сердце сжималось, горло пересыхало, а член реагировал.

Больше чем просто реагировал.

— Держите, леди, — проговорил Гейдж, закончив наливать третий коктейль и поставив его на стойку. — А теперь не делайте ничего, чего не сделал бы я, что дает вам охрененно

большое поле для действия.

Бурный смех разрезал воздух в тот момент, когда Гейдж поднял взгляд и столкнулся с Брейди. Ничто не могло соперничать с голодом, горевшем во взгляде этого мужчины, с чувственным знанием, которое так и кричало о том, что он привык получать желаемое, и если он хотел тебя, просто откажись от всех попыток сопротивляться и поднимай белый флаг.

Или это было тем, что привык видеть Брейди. Но не сегодня.

Из обычного открытого выражения лица Гейджа исчезло все легкомыслие, когда он увидел Брейди. Потому что Брейди полностью облажался с тем хрупким, что только начало строиться между ними.

Их взгляды задержались друг на друге. Замерли. А затем Гейдж не проигнорировал его, как Брейди того заслуживал, в конце концов это же был веселый, любезный, беспечный Гейдж Симпсон. Он просто коснулся своей ковбойской шляпы и дружески кивнул, словно Брейди был одним из клиентов в баре.

Что заставило Брейди почувствовать себя во сто раз хуже.

Гейдж знал, что Брейди будет здесь, но это знание не подготовило его к тому, как сожмутся его грудные мышцы, словно ему требуется укол от столбняка. Три недели назад Дарси спросила, не будет ли он против, если она пригласит угрюмого шефа.

— Я не буду приглашать, если тебе больно видеть его, — и Гейдж отмахнулся от ее заботы.

Не то, чтобы они были вместе достаточно долгое время. Едва ли месяц, слово *вместе* полностью неправильно истолковывали. Это как назвать Велвиту^[6] настоящим сыром. Или сказать, что ты из Чикаго, когда сам родился, вырос и скорее всего уйдешь в мир иной в задрипанном Ломбарде^[7].

Его мысли обратились туда. И именно воспоминания о том дерьме, с которым ему приходилось иметь дело, живя в пригороде, заставляли его ладони зудеть, а сердце выпрыгивать из груди.

Не Брейди Смит.

Сегодня он довел свой внешний вид, как у одного из русских мордоворотов, до совершенства. Достаточно узкие джинсы, чтобы идеально облегать его задницу, черная футболка, плотно натянутая на груди. И эти тату? *Vaaaay!* Каждый раз, когда Гейдж видел его татуировки: шкала Сквилла, по которой измерялась жгучесть перца, на левой руке, красочный рукав из перьев на правой, завиток полоски дыма в основании коротко остриженного черепа, — горячие мурашки бежали по его коже.

По крайней мере Брейди будет держать дистанцию. До сих пор они довольно прохладно общались, так что нет никакой причины, почему бы сегодня ночью все могло быть по-дру... *дерьмо. Он подошел.* К счастью, у Гейджа был эта деревянная стойка, скрывающая его... деревянный стояк.

— Привет, — сказал Брейди.

— И тебе привет.

Брейди поднял специальное коктейльное меню, разработанное Гейджем, и начал его изучать, словно это был мудреный контракт, по которому на кону стояла продажа его души.

— Я слышал, что хит сегодняшнего дня — “Ковбой Членосос”.

— Прости, он закончился.

Брейди опустил меню, тяжело вздохнув, все попытки наладить разговор, очевидно, исчерпались. Зловещий шрам с правой стороны его лица, зигзаг, который Гейдж мечтал погладить и поцеловать, натянулся, когда мужчина нахмурился.

— Нам, вероятно, не стоит часто пересекаться, — сказал Брейди, искоса посмотрев на Дарси, их общий сдерживающий фактор. — Но когда это происходит, надеюсь, мы могли бы быть...

— Друзьями?

— Дружелюбными.

Серьезно? Брейди хотел, чтобы он был дружелюбным по отношению к тому факту, что Гейдж преследовал его шесть недель и, когда наконец-то словил, сказав Брейди, что справится с необходимостью двигаться медленно и постарается вписываться в рамки, установленные гребаными правилами Брейди, большой шеф все-таки расписовался. Потому что Гейдж настаивал на *свидании*.

Облокотившись на бар, Гейдж наклонился достаточно близко, чтобы рассмотреть те золотистые кружочки, похожие на затухающие угольки, вокруг радужных оболочек Брейди. Когда-то он полагал, что его глаза цвета эспрессо были обыкновенными, невыразительными, но это было не так. Эти глаза, обрамленные густыми бархатными ресницами, прямо-таки обладали своей погодной системой, которая могла становиться то горячей, то ледяной. В довершение всего, мужчина еще и бесподобно пахнул. Может это были специи из кухни “Смит & Джонс” в сочетании с феромонами. Как бы то ни было, Брейди заставлял все это работать.

Гейдж выдал улыбку номер четыре из своего арсенала, убийственно холодную, но в то же время дружескую.

— Как ты и сказал, мы, вероятно, не будем часто пересекаться. Ты, скорее всего, натолкнешься на меня только на одном из тех дурацких билбордов.

Два ярких пятнышка вспыхнули на скулах Брейди. Это был румянец? О, черт. Только Гейдж подумал, что уже узнал все способы, какими парень мог завести его.

— Что ж, эмм, приятно было увидеть тебя, — слова текли плавно, благодаря луизианскому акценту Брейди, пьянящая настойка из теплого сиропа и южного зноя.

— Взаимно, шеф.

Брейди потопал прочь, чтобы поиграть в сильного и молчаливого с болтушкой Дарси, в то время как Гейдж потратил на пять секунд больше необходимого на восхищение этой по-южному поджарой задницей. Кто-то стукнул его по бедру. Гейдж повернулся и обнаружил свою сестру Алекс, которая прищурившись глядела на него своими огромными зелеными глазами, словно спрашивая “у тебя все в порядке”.

— Я поняла, ты напялил в эту дурацкую шляпу, потому что от этого название “Ковбой Членосос” звучит еще более непристойно.

— Любой мастер нуждается в своем реквизите, — рассмеявшись над своей неудачной шуткой, Гейдж обнял самого близкого человека в своей семье. С шоколадного цвета завитками и кошачьими глазами, она, не прилагая усилий, была самой потрясающей женщиной из всех, кого он знал, но из-за своего характера часто попадала в неприятности и заставляла потенциальных женихов хвататься за яйца. В добавление, к ее уже довольно сложной жизненной ситуации, Алекс недавно пережила тяжелые времена после того, как было обнародовано видео, на котором она вдоль и поперек порезала машину городской знаменитости во время спасательной операции.

Девушка вздохнула и устроилась поудобнее на сгибе его плеча.

— Думаешь, следующим логическим шагом будет превращение меня в лесбиянку.

— Неа, обществу трудно поверить в лесбийский секс. Как это работает? Кто играет мужчину? Они обе одевают straponы? — он крепче прижал ее, пока ее плечи тряслись от смеха. — Не тревожься, о, моя прекрасная сестра. Однажды ты найдешь принца, которого сможешь взять в оборот.

Она подняла свою темную бровь в ответ на его несокрушимую уверенность.

— Ты можешь получить любого, кроме единственного парня, которого хочешь. После того видео, у меня куча членов на Фэйсбуке, которые пытаются “подружиться” со мной. Почему все не может быть проще? Мы такие ужасные?

— “Я” и “ужасный” никогда не использовалось в одном предложении.

— Значит, неудачники.

— Уже теплее.

— И все же, я думаю, для тебя еще не все потеряно, — она не таясь кивнула в направлении Брейди. — Парень все еще влюблен в тебя по уши.

Гейдж позволил своему взгляду переместиться туда, где стоял Брейди, разговаривая с Дарси и Бэком. Больше было похоже на то, что Дарси заговорила его до смерти. Общение было не самой сильной стороной Брейди, но на протяжении этих пары коротких недель не-встречаний, Гейджу удалось вытащить из него достаточно предложений, чтобы составить подробности его правил:

Не целовать Брейди (как исключение, губы Брейди могли касаться его везде, где пожелают).

Не дотрагиваться до Брейди (но Брейди мог гладить руками все тело Гейджа).

Самое важное: не задавать Брейди вопросов о его службе в морской пехоте.

Алекс сощурила глаза.

— Расскажи мне еще раз, в чем там была проблема.

— Он хотел подарить мне бесконечные оргазмы и настаивал на том, чтобы я не давал ему ничего в ответ.

— Звучит ужасно.

Ага. Любой другой уже праздновал бы свою громкую победу в ты-можешь-кончать-всегда лотерее, но Гейдж чувствовал себя надувной куклой для секса.

Итак, у его шефа были некоторые проблемы с близостью. Быть схваченным и подвергнуться пыткам со стороны афганских террористов, а также потерять в процессе члена своей команды — это разрушит мир любого мужчины. Гейдж понимал это. У него было два брата, бывших морских пехотинца, которые прошли стадии отъявленных мудаков в первые пару месяцев после возвращения в США. Но это случилось с Брейди шесть лет назад а он все еще позволял прошлому управлять своей жизнью.

Не выдержав такого медленного темпа, Гейдж восстал. Он хотел целовать всего Брейди, от короткостриженной головы до закрытых ботинками от Док Мартенс пальцев ног, а затем, может быть, пойти и посмотреть вместе долбаное кино.

— Он не заинтересован в отношениях, сестренка, — Гейдж выдал свою мне-все-по-барабану усмешку. — Эй, я не заинтересован в отношениях, — или не в тех, которые требуют так много работы.

Но, черт побери, если его тело соглашалось с этим. Черт побери, если его тело не будет наслаждаться этой работой, потому что награда — Брейди, умоляющий об удовольствии, которое может подарить ему только Гейдж — будет самой сладкой оплатой всех усилий. Дерьмо, Гейдж хотел Брейди больше, чем что-либо когда-либо.

Это было его слабостью: насколько сильно он жаждал привязанности, чего угодно, лишь бы доказать, что его любят. Возьмите ребенка зависимого от наркотиков религиозного фанатика, который делал все, что в его силах, чтобы вернуть своего крошку сына к свету, и так ли удивительно то, что Гейдж отчаянно искал другой вид тепла в отношениях? Между простынями всегда было отличное место, чтобы отыскать его. *Люби мое тело, люби все во мне.* Но с Брейди... он мог попасть в серьезные неприятности с этим парнем.

Гейджу на самом деле нужен был оргазм, который включал в себя другого человека. Может несколько других людей. Он дернул один из упругих локонов Алекса.

— Хочешь завалиться в клуб, когда все разойдутся и сыграть роль “второго пилота”?

— Хоть мне и нравится больше всего на свете наблюдать за тем, как ты используешь свое секс-колдовство на ничего не подозревающих маглах, я не могу. Завтра на смену, — она

качнула головой в сторону людей, расположившихся на другой стороне патио. — Может, у нас получится организовать свою собственную танцевальную вечеринку.

— Мне нравится твоя идея.

Уже через пять минут они сдвинули пару столов для пикника в стороны и организовали мини-танцпол. Отрываться на свежем воздухе по началу было странно, но вскоре все прониклись Святым Духом Танца и организовали свой клуб Дэмпси. Гейдж отпустил контроль над своим телом, позволив себе потеряться в музыке.

Он никогда не стеснялся демонстрировать свои таланты: великолепное тело, звездная задница, достаточно шика, чтобы сразить всех красивых парней в Бойстауне. Он кружился с ковбойской шляпой, прикрывающей его глаза, наслаждаясь тем, как это прикрытие позволяло украдкой поглядывать на Брейди. Его огромная фигура маячила возле бара, разговаривая — вот удивительно — со старшим братом Гейджа, Уайаттом. Два самых неразговорчивых человека на планете и все же, до сих пор земля под их ногами не разверзлась и не открыла врата в ад.

Короткий, на долю секунды, взгляд подтвердил, что эти глаза, темные, как грех, были сосредоточены на Гейдже, трясущим своим телом. Довольный тем, что заметил главное, Гейдж отвернулся.

“Эта задница могла быть твоей, большой парень. Любишься и плач”.

— Мне жаль, мистер Смит, но я не могу позволить вам уйти самостоятельно. Политика больницы требует, чтобы пациент с подозрением на сотрясение мозга был отпущен только под подписку другого дееспособного взрослого человека.

Брейди посмотрел на скальпели назойливой медсестры отделения скорой помощи Северо-Западного мемориала, которая сейчас делала очень, очень отстойную работу по его выписке. Он хотел бы рассказать ей, куда засунуть свою политику больницы. Или где может найти себе новый дом скальпель с ее стола.

Болеутоляющие, которые ему выдали полчаса назад, наконец-то подействовали, довольно хороший препарат, который притупил боль в плече и снизил пульсацию в голове. За двадцать лет езды на байке, он никогда не попадал в аварию. Этим утром, по дороге с фермерского рынка, он впервые упал с мотоцикла. Ничего слишком серьезного, но наградой за его дурость была боль в голове, ушиб ребер, содранная кожа и вывих правого плеча. На той руке, которой он занимался разделкой.

Работая шефом, он постоянно обжигался и обычно ничего не чувствовал. Он и забыл как сильно болел вывих плеча, да и вообще вывих чего угодно. Сейчас все его желания сводились к тому, чтобы пойти домой, принять еще больше таблеток и смыть в душе дождевую воду, с которой он, будто всего остального было недостаточно, свел близкое знакомство.

Ну разве это не какая-то дурацкая шутка?

В руке, которая сейчас не была на перевязи, завибрировал телефон.

“Помощь уже в пути”.

Дарси. *Мишишляя*. Но учитывая то, что ему не нравилось, как эта медсестра командовала им, Брейди решил еще немного повыводить ее из себя.

— Я уверен, что могу выйти отсюда и вы не сможете остановить меня, сестра Рэтчед.

Одна стервозная бровь приподнялась.

— А я уверена, что смогу настучать тебе по заднице, Татуированный Мальчик.

Позади него послышался смешок, настолько знакомый, что все тело Брейди покрылось гусиной кожей.

— Так держать, Глэдис. Не позволяй Татуированному Мальчику грубить тебе.

Брейди не надо было даже оборачиваться, к тому же это было бы больно, потому что Гейдж бочком прошел вперед и оперся на стойку, одарив медицинский мирок своей лучезарной улыбкой. И мирок тут же сошел с ума. Весь пункт медсестер вел себя так, словно сам Мессия спустился с небес с бутылкой “Шато Лафит 1787” и лотком с шоколадными кексами.

— *Гейдж, голубчик!*

— *Малыш, мы скучали по тебе!*

— *Мой кузен идет на свадьбу своего друга гея и ищет себе пару. Вы, парни, отлично смотрелись бы вместе!*

Пока Гейдж по-дурацки улыбался, купаясь в лучах внимания, Брейди рискнул рассмотреть его. Прошла всего неделя с вечеринки, посвященной помолвке Дарси и Бэка, а парень за это время стал еще горячее. Потому что так оно и было. Фирменная майка ЧПД темные потертые джинсы, светло-каштановые волосы, выглядевшие немного спутанными,

словно он только что вылез из постели.

Может из чьей-то чужой постели.

От этой мысли сердце Брейди сжалось, хотя у него не было никакого долбанного права на это. Он отказался от всех претензий, когда сказал Гейджу, что все кончено еще даже до того, как началось.

Любезности закончились, слава тебе Господи. Симпсон повернулся к Брейди, его отличное настроение сквозило во всех чертах красивого до тошноты лица. Налет дыма с кожи Гейджа проскользнул в воздухе между ними и впитался в кровь Брейди.

— Дарси, — пробормотал Брейди.

— Угу. Она застряла в пригороде, занятая организацией девичника. Очевидно, куча роз и сердечек.

— И ты вытащил короткую соломинку.

— Ага. Что случилось?

— Просто сваял дурака.

— Байк в лучшей форме, чем ты, Шеф Дурачок?

Брейди сжал губы, чтобы скрыть улыбку.

— Не на много. Отбуксировали в мастерскую.

— Так еще есть шанс, что однажды я смогу почувствовать всю эту мощь между своих ног?

Проигнорировав это высказывание и то, какой прилив возбуждения вызвали эти провокационные слова Гейджа, Брейди посмотрел на Глэдис и указал на Гейджа.

— Вот кто меня отвезет.

Медсестра одарила его сладкой-как-гниющий-фрукт улыбкой.

— Ну разве ты не везунчик, Татуированный Мальчик?

Неа. Брейди Смит и везение никогда не были на короткой ноге.

***

У Гейджа чуть не случился сердечный приступ.

Он только вернулся со своей смены в ПО №6 и был как раз на расстоянии одного скользящего движения от *наконец-то-я-лягу-в-кровать оргазма* с прохладными, сплетенными из восьми сотен нитей египетского хлопка простынями — Гейдж никогда не скупился на белье — когда пришло сообщение от Дарси.

“Брейди попал в аварию. Срочно позвони мне”.

Без сомнения, маленькая ведьма целенаправленно добавила драматизма, надеясь спровоцировать реакцию. Отлично сыграно, Дарси Кокрэйн, твой коварный план сработал.

Гейдж запрыгнул в машину и уже на всех парах сворачивал на первом углу, когда понял, что даже не знает, в какую больницу направляется. К тому времени, как он добрался до Северо-Западного отделения скорой помощи, Гейдж уже знал, что все в порядке, но охватившее его облегчение, когда он увидел, что Брейди на своих двоих и сейчас до чертиков выводило Гейджа из себя. И вот он здесь, несёт потертую кожаную куртку, пакет с болеутоляющими и ясную мысль “хотел бы я забыть тебя”. Удивительный вид, открывавшийся на задницу Брейди, который поднимался по лестнице в свой лофт в

Западном Лупе, тоже ни в малейшей степени не помогал.

“Верни себе контроль над своим членом, Симпсон”. Все, что Гейджу надо было сделать, — убедиться, что Брейди комфортно и умчаться оттуда со всех ног, прежде чем... прежде чем что? Не похоже, чтобы Брейди собирался сделать или сказать что-то, что хоть на йоту поощрит Гейджа. Он ясно дал это понять. Даже не друзья, просто *дружелюбные*, и то едва ли. Гейдж делал одолжение Дарси, вот и все.

— Когда ты последний раз принимал болеутоляющие? — спросил Гейдж, как только они шагнули внутрь. Он проклинал нетерпение, которое прорывалось в его голосе.

— Около часа назад.

— Значит, тебе придется подождать еще три, — место не изменилось за пять или что-то около того недель, когда он приходил сюда последний раз ночью и ушел в раздражении. На стенах плакаты с едой, те французские, которые есть у каждого студента колледжа. Но эти были в рамках и, наверное из-за того, что их было много, — шикарно смотрелись на фоне терракотовой кирпичной стены. Все то же одно древнее твидовое кресло, самое мягкое место в шикарном огромном лофте, который имел много острых углов, как и мужчина, стоящий перед ним.

Знаете, что говорило это одинокое кресло? *Мне никто не нужен*, вот что.

Гейдж поставил медикаменты на кухонный островок, а куртку повесил на спинку высокого стула. Работа сделана. Время уходить и раздобыть немного дури перед тем, как совершить свой еженедельный загул по прекрасным окрестностям Ломбарда. Вот оно, счастье.

Если бы только Брейди не смотрел на него так, словно хотел что-то сказать.

— Что? — спросил Гейдж, скрестив руки на груди.

Брейди пожал плечами и поморщился, поняв, что забыл о своей травме. В любом другом случае, Гейдж улыбнулся бы над тем, как мило это выглядело, но прямо в эту минуту? Он этого не чувствовал.

— Брейди, выкладывай.

— Мне нужно принять душ, но боюсь, будет охрененно больно снять рубашку.

— Вот черт. Ты же вывихнул плечо, идиот.

Глаза, цвета насыщенного какао, встретились с серебристо-синими глазами Гейджа. Это был момент между ними, потрескивающий от осознания того, что именно сейчас изменится. На протяжении этих пары недель минета-для-одного, Гейдж ни разу не видел этого мужчину без рубашки. Он наслаждался краткими проблесками татуированных рук парня, приоткрывающейся кожей его шеи, требующего, чтобы его облизали, треугольника его горла. Будто какое-то шоу “*Театр Шедевров*”^[8], где парень преодолевает все трудности ради вида затянутой в чулок лодыжки девушки.

— Что ж, пошли, — Гейдж направился к ванной, разрываясь между стремлением поскорее покончить с этим дерьмом и раздражением от того, насколько возбужденным его сделала перспектива увидеть полуобнаженного Брейди. Он включил душ. У Брейди была одна из этих отпадных штук со множеством ручек, позволяющих варьировать режим от “лесного дождика” до “в любом случае, мне не очень-то была нужна вся эта кожа”. Поверните что-то не так и получите Восточное побережье.

Обернувшись, Гейдж обнаружил Брейди, замершего на пороге ванной и выглядящего так, словно его будущее было под угрозой ядерного уничтожения. Жар устремился к паху Гейджа при мысли о том, что он впервые увидит парня, — нет, *этого* парня, —

обнаженным.

“Какого хрена! Парню больно. Как насчет того, чтобы попридержаться своего внутреннего кобеля?”

— Иди сюда.

Брейди подошел, взгляд его темных, греховных глаз был настороженным.

— Знаешь, я ведь фельдшер скорой помощи. Я могу сделать это не таким болезненным для тебя, — Гейдж мог бы — *хотел бы* — сделать все это профессионально. Аккуратно вытащив ремень, он положил тот на туалетный столик, затем скользнул пальцами под подол футболки Брейди. Потянул на пару дюймов вверх и Брейди поморщился. — Больно?

Мистер Мачо покачал головой.

— Есть ножницы?

— Правый ящик.

Гейдж вытащил их.

— Так намного проще.

Брейди кивнул и прикусил зубами нижнюю губу, так что та стала влажной. Гейдж подавил стон. Продолжив в том же духе, Брейди обнаружит себя согнувшимся над этой раковиной с джинсами на лодыжках и Гейджем, входящим глубоко в его горячую з... *так на чем мы остановились?*

Он начал разрезать ткань, прокладывая путь от пресса Брейди к его груди. С каждым открывающимся дюймом, пульс Гейджа ускорялся. Кожа, мускулы, тату — все это виделось размытым, пока Гейдж разрезал футболку до шеи и снял ее со здоровой стороны Брейди. Затем аккуратно стянул с поврежденного плеча.

Горячо. *Чееееерт.*

Чувак был в прекрасной форме, о чем Гейдж мог судить по тому, как одежда облегалась его, словно вторая кожа, но с голым торсом, он был мифо-мать-его-логическим. Скульптурные мышцы от таскания кастрюль и мешков с картофелем, искусно покрытые яркими чернилами на груди, притягивали жадный взор Гейджа. Здесь в полной мере было представлено искусство Дарси: военные тату, которые он ожидал увидеть, в память о времени, проведенном Брейди на службе, но более удивительным был целиком вытатуированный на всем плече волк. Благородство и опасность в одном поразительном, дерзком изображении.

Куда бы Гейдж ни посмотрел, его пальцы чесались от желания дотронуться, а его мозг сражался в попытке удержаться. Под правой грудью Брейди свернулась змея, орел взлетал с левой. Звезды, цифры и кельтские символы боролись за место. Гейджу потребовались бы недели, чтобы исследовать полную историй картинку тела Брейди.

Самое время подумать о том, чтобы отправить куда подальше.

Даже учитывая защиту, которую обеспечили Брейди в аварии его кожаная куртка и футболка, вся правая сторона мужчины была в ссадинах и кровоподтеках. Должно быть он неплохо приложился об асфальт, но нынешнее ранение не могло скрыть те, что были получены до этого падения. Залеченные шрамы от ожогов, судя по виду, химических. Уроды из Аль-Каиды.

Сердце Гейджа расколосось на две половинки. Это было тем, что удерживало Брейди на расстоянии в течении их украденные моменты друг с другом? Думал ли он, что это делало его менее привлекательным для Гейджа? Такая мелочь? Не закончив свой осмотр, Гейдж понял, что то, как он пялился, было довольно грубо, так что поднял глаза. Лицо Брейди было

смущенным, покрытым явным румянцем... о, боже, стыда.

Это никуда не годится!

— Брейди. Ты офигенно прекрасен.

— Я офигенно *de'pouille*^[9], — прорычал Брейди. — Этот каджун ужасно выглядит, — его широкая грудь резко поднялась от прерывистого вдоха, при этом волк подобрался, словно готовясь к прыжку. — Полагаю, ты уже всякое повидал. На своей работе.

— На моей работе. В моей постели. Но я никогда не видел тебя.

“И вот ты здесь. Так близко и все еще на расстоянии многих миль”.

Брейди задумчиво посмотрел на него, в его взгляде закрутился тайфун из эмоций.

— Это твоя вина.

— В чем?

— В том, что я разбил байк.

— А я думал это потому, что ты свалял дурака.

Брейди посмотрел на Гейджа, словно тот был дураком.

— Я направлялся домой с фермерского рынка “Зеленый город”, но решил поехать в объезд по Западной и Диверси. Там есть кое-что — *кое-кто* — на кого мне нравится смотреть время от времени.

Сердце Гейджа упало и начало болезненно, тошнотворно сжиматься. Чувак что, серьезно? Он в самом деле заставил Гейджа остаться и разыгрывать медсестру и при этом мог напыщенно разглагольствовать о какой-то новой заднице?

Эти темные бассейны с золотистыми проблесками снова посмотрели в упор на него.

— Это ты.

— Я, что?

— Что... ну, тот, на кого я смотрел. Твой гребаный билборд.

Даже если бы упакованная битком клоунская машина сейчас заехала внутрь, Гейдж не был бы более удивлен.

— При случае я проезжаю там. Я не останавливаюсь или что-то еще, я имею в виду, *это* было бы жалко, — на его лице расплылась застенчивая улыбка.

Лекарства. Все дело в лекарствах.

— Обычно я еду вниз по улице, если не останавливаюсь на светофоре. Проезжаю мимо, смотрю вверх, раз, два, взгляд снова на дорогу, но сегодня я был более рассеянным, чем обычно.

Гейджу с трудом удавалось проталкивать воздух в свои легкие. Весь кислород исчез. За пределами этого момента ничего не существовало.

Только Брейди.

— Я думал, что знаю этот билборд вдоль и поперек. Каждый участок кожи, каждую капельку пота, этот трахни-меня взгляд твоих глаз. Но этим утром, я увидел кое-что, чего не видел раньше.

Грохот в груди Гейджа отдавался шумом прибоя в его ушах и следующее слово, которое он выдал, звучало так, словно оно исходило от кого-то, стоящего в десяти футах позади него.

— Что?

— Я увидел парня, которого оттолкнул, потому что не решился рискнуть. Я говорю об этом, не для того чтобы... — он резко выдохнул и четко произнес каждое слово, словно они с трудом пробивали себе путь из мозга ко рту. — Я говорю это не потому, что думаю, что

нам следует быть вместе. Я говорю это, чтобы объяснить почему мы не вместе.

Сердце Гейджа буквально испарилось. Это просто выбило почву у него из-под ног и все же он не мог собрать весь гнев, который должен был чувствовать по праву.

— Брейди Чертов Смит, что же мне делать с тобой?

— Воспользуйся мной, пока я под действием лекарств? — его вопрос на самом деле был полон надежды.

Гейдж рассмеялся, благодарный мгновенному облегчению и этому краткому позволению заглянуть в мысли парня, который очаровывал его, как никто другой. Самый Ненормальный В Мире Брейди был забавным парнем.

— Не думай, что не воспользуюсь. Я давно уже отказался от угрызений совести.

Брейди тоже рассмеялся, звук отразился от плитки, как сладкие гитарные рифы. Они стояли, усмехаясь и глядя друг на друга, в то время как в груди Гейджа разрастался комок эмоций от мысли о том, что могло бы быть, если бы Брейди не нужны были сильные наркотики, чтобы говорить о том, что у него на сердце.

Впрочем, “что если” было для слабаков, верно? Вернемся к тому, что имеем.

Гейдж расстегнул верхнюю пуговицу джинсов Брейди и потянул вниз его натянутую молнию, а затем и сами джинсы. Он был твердым. Везде. Бедра, пресс, член, все еще прикрытый, — боже праведный, он был великолепным. Гейдж рухнул на колени, положение, о котором он фантазировал, ох, каждую секунду каждого дня, и стащил с Брейди ботинки, носки и джинсы.

Он перевел взгляд вверх, минуя самую толстую выпуклость из всех, что видел, и обнаружил Брейди, уставившегося на него с типичной интенсивностью сверхновой во взгляде.

— Что?

— Спасибо за то, что ты здесь, Гейдж.

Гейдж склонил голову, чтобы скрыть улыбку.

— Считай это работой тех средств, которые ты тратишь на налоги. Если я могу помочь купить еду старой седой сплетнице этажом ниже, то я могу раздеть своего... — *Своего кого?*
— ... своего друга, чтобы тот смог принять душ.

Брейди отступил, чуть не споткнувшись.

— Твоего друга?

Гейдж поднялся и встретил горящий взгляд Брейди. В нем не было ничего дружеского.

— Тебе же нужен друг прямо сейчас?

— Не отказал бы от дружеской руки. Или двух, — рот Брейди скривился в глупой улыбке. Да здравствуют сильные наркотики и опущенные щиты.

— Не верю, что ты флиртуешь со мной, Шеф.

Брейди положил руку Гейджу на грудь и оттолкнул того на пару дюймов.

— Не знаю, как флиртовать, Золотце.

“*О нет, знаешь, великолепный мужчина*”.

То, что Брейди использовал прозвище, которое дал Гейджу вскоре после того, как они впервые встретились, вызвало трепет в его животе и подергивание члена. Медленно закусив свою нижнюю губу зубами, — *Прекрати это!* — Брейди открыл дверцу душа и проверил температуру воды.

“*Эта. Задница*”.

Она выглядела удивительно в его черных боксерах, плотная ткань идеально

подчеркивала округлости. Имел ли этот мужчина хоть малейшее представление о том, насколько охрененным был? Гейдж едва успел насладиться этим зрелищем, как Брейди уверенно дернул вниз свои боксеры, отбросил их в сторону и затащил свое обнаженное тело прямым под душ.

Брейди был на сто процентов уверен, что не попросил бы Гейджа протянуть ему руку — или две — если бы не плавал в облаках Виколина^[10]. Но если это то, что требовалось, чтобы опустить вниз его запреты вместе с боксерами, значит, да будет так.

Он что и вправду вывалил все начистоту о своем сталкерстве и билборде? Дерьмо, это было жалко, и Гейдж даже не поднял его на смех, как должен был бы. Добавьте к этому “я большой старый трус в том, что касается отношений”, и Брейди официально был на пути в Лузервилль.

Струи душа разбивались об опухшее плечо Брейди. Ему действительно стоило бы приложить к нему лед, но прямо сейчас, он хотел смыть горячей водой дорожную грязь, впитавшуюся в кожу. А что касается низменных мыслей, заполонивших его разум? Он ухватился за них, позволил им увести себя в мир, где он не будет бояться. Где он сможет отдаться на волю любому грязному желанию с этим мужчиной, который заводил его одним лишь взглядом.

В том случае, конечно же, если он все еще был здесь. Он должен быть, верно? И все же приглашение присоединиться к Брейди в душе — потому что это было настолько близко к приглашению, насколько он смог собраться с духом — все еще оставалось без ответа.

“Ты гребаный тупица, Смит. Неужели ты думал, что это все что нужно, чтобы повернуть ситуацию к лучшему? Что Гейдж все еще не направился к одному из миллиона парней, сохнущих по нему? Ты действительно ду...”

И тут дверца душа открылась и обычно вместительное пространство стало не таким уж вместительным. Брейди собрался повернуться, но рука, легшая на лопатки, остановила его.

— Позволь мне сначала позаботиться о твоей спине, — произнес Гейдж, настолько хриплым голосом, что член Брейди коснулся его живота, словно благодарно говоря *“наконец-то, чувак!”*

Очень содержательно. Только под кайфом Брейди мог начать разговор со своим членом, наделив тот разумом.

Гейдж схватил гель для душа и медленными круговыми движениями начал намазывать спину Брейди. Боже, это ощущалось так приятно.

— Прижми руку к телу, — пробормотал Гейдж. — Я помою с другой стороны.

Он провел своей намыленной рукой вокруг туловища Брейди и начал жестко и эротично выписывать круги по неповрежденной стороне тела, дразняще касаясь его живота. Так близко к полностью эрегированному члену, который дергался в стремлении достичь руки Гейджа каждый раз, когда та оказывалась поблизости. С момента своей почетной отставки из Морской пехоты, Брейди знал, что ему нечего предложить, кроме изувеченного тела и застрявшего в клетке разума. Прикосновения были проблемой, потому что он не мог контролировать, куда направятся руки другого мужчины, или предотвратить неизбежный шок от ужаса, который эти руки обнаружат. На протяжении шести лет, секс тайком в темных аллеях и уединенных парках помогал ему перекантоваться, или должен был бы, пока Гейдж Симпсон не зашел на кухню его ресторана и не перевернул его мир с ног на голову.

Под исцеляющими руками Гейджа, годы боли и одиночества смывались прочь в канализацию вместе с мыльной водой. Несколько украденных моментов Брейди позволил себе понежиться в чувственном комфорте от прикосновений другого мужчины. Не просто

любого мужчины. Этого идеального мужчины.

Он нуждался в большем. У него не было слов, чтобы описать в чем именно, но может они и не были нужны, потому у него было *слово*. Единственное слово, которое имело значение.

— Гейдж.

В своей жажде связи, более близкого единения, он протянул руку назад к бедрам Гейджа и натолкнулся на... ткань. Тот был все еще одет в свои боксеры.

— По... почему ты не разделся?

Рычание Гейджа отразилось от его уха.

— Этот клочок мокрого хлопка — единственное, что останавливает меня от того, чтобы погрузиться в твою великолепную задницу, Брейди.

О, Боже. С зародившимся глубоко в груди стоном, Брейди шагнул назад, ища член Гейджа. Нашел его. Поприветствовал, потеревшись вверх-вниз о каменно твердое, прикрытое тканью великолепие.

— Черт, — задохнулся Гейдж, положив руку на грудь Брейди.

Они оба замерли, когда сексуальная обстановка изменилась. Брейди задержал дыхание. Может, он зашел слишком далеко? Ожидал слишком многого? Может Гейдж тут, действительно, только для того, чтобы помыть его.

Ответы на все вопросы нашлись, когда их тела начали двигаться в едином медленном, эротическом танце. Когда задница Брейди терлась о твердость Гейджа, это ощущалось так хорошо, барьер из мокрого хлопка, восхитительные толчки члена Гейджа между ягодицами Брейди. Кокон из пара добавлял к этому улетному ощущению чувство того, что они были потеряны в мире похоти, созданном только для двоих.

— Когда я впервые увидел тебя со спины, — хрипло проговорил Гейдж. — Первое, что я заметил, — татуировку на шее. — Легким движением губ Гейдж провел по дымному завитку татуировки у основания его черепа, отчего Брейди, окутанный жарким паром, вздрогнул.

— Я хотел поцеловать ее, провести по ней языком, узнать все ее секреты, — Гейдж настойчивее прижал рот к шее Брейди, словно этим простым жестом мог заполучить какие-то более глубокие знания. В этом было нечто почти что чистое, — невинный контраст по сравнению с их порочными движениями ниже пояса. — Расскажи мне о ней.

— О чем?

— Об этой татуировке. Почему дым? — Схватив Брейди за бедра, он остановил движения его задницы, потирающейся об эту удивительную твердость. Брейди попытался пошевелиться, чтобы продолжить тереться, но ублюдок держал его крепко. Эта неподвижность была сущей пыткой. Он что, серьезно требовал разговор в оплату каждой секунды удовольствия?

— Расскажи мне, — с трудом выдавил Гейдж, когда Брейди по-прежнему отказывался сдаваться. Его голос звучал так, словно ему было больно. Брейди нашел небольшое утешение в том, что не был одинок.

— Это... людям в большей степени свойственно делать татуировки, связанные с огнем. Символы страсти, трансформации, изменения. Но я хотел дым, потому что именно он остается после пожара, когда все разрушено, остаешься с дымом и пеплом. И тебе нужно научиться жить с этим.

— А ты? Научился? — словно умоляя об ответе Гейдж впился пальцами в бедро Брейди.

— Я пытаюсь. Не очень быстро, один шаг вперед, два назад, но я пытаюсь, — даже если

ему потребовался дурман болеутоляющих, чтобы допустить его в эту часть своих мыслей.

— Пытаться — это хорошо. Пытаться — это сексуально, — пробормотал Гейдж Брейди на ухо. — А теперь попытайся рассказать мне о том, что тебе нужно.

Как он мог даже спрашивать об этом? Но глубоко внутри Брейди все понимал. В тоне Гейджа закралось раздражение, разочарование холодными и горячими переменами в настроении Брейди. Завлечением и отдалением.

Он взял Гейджа за руку, которая все еще лежала на его груди, и повел ее вниз по своему животу к заждавшемуся члену. Чтобы убедиться, что между ними нет никакого недопонимания, он сказал:

— Подрочи мне, Гейдж.

Брейди почувствовал, как губы Гейджа изогнулись у его шеи.

— Я уж думал, ты никогда не попросишь, Шеф.

Со своими шестью футами и двумя дюймами^[11], Гейдж был на пару дюймов выше Брейди, поэтому, воспользовавшись своим преимуществом, положил подбородок на плечо Брейди и смог увидеть воочию, как его рука одним длинным, порочным движением провела от основания до головки.

Брейди застонал. Ни одно прикосновение никогда не ощущалось настолько необходимым самому его существу.

— Какой у тебя красивый член, Брейди. И ты скрывал его от меня.

Гейдж крепко обхватил рукой член и провел по всей длине Брейди, принося удовольствие каждому нервному окончанию, а затем провел пальцем по головке, отчего у Брейди затуманился разум. Каждое ощущение стало насыщеннее: горячее дыхание Гейджа возле его уха, движения руки по члену, которые становились жестче с каждым разом, безопасность того, что он отдал контроль мужчине, находящемуся у него за спиной. Каково будет наблюдать, как его толстый член скользит не в руке Гейджа, а в его заднице? *О, Боже*. Мысль о том, чтобы похоронить себя в Гейдже, когда его напряженные мышцы сожмут член Брейди и выдавят все до последней капли, вознесла желание мужчины на невероятные высоты. Его яички подтянулись и напряглись. Так близко.

Осторожно Гейдж развернул Брейди и захватил в ловушку пронзительного взгляда своих ярких голубых глаз. *Черт, нет*. Сейчас все его шрамы были на виду, отвратительное напоминание обо всем, что с ним было не так. Гейдж продолжать свои движения и через секунду, смывающее страх удовольствие победило. Прогнало панику прочь. Взглядом, размытым от приближающегося оргазма, Брейди жадно рассматривал скульптурную грудь Гейджа, дорожку волос, сильные бедра. Мокрые трусы низко сидели на бедрах, очерчивая каждый выступ, что было даже горячее, чем если бы мужчина был обнажен.

— Посмотри на меня, — произнес Гейдж, продолжая свои ритмичные, разрушающие мозг движения рукой.

— Я... я смотрю, — глаза Брейди едва могли охватить великолепие, находящееся перед ним.

Гейдж усмехнулся.

— Выше, Брейди.

Мужчина поднял взгляд и увидел улыбку золотого бога, не ту усмешку для билбордов и общественности, а особую улыбку для Брейди. И этого оказалось достаточно. Из горла Брейди вырвался стон, за которым последовал невероятный оргазм серией рваных струй, покрывших золотистую кожу рельефного пресса Гейджа. Он все продолжался и

продолжался.

Брейди прижался к плитке, делая глубокие, прерывистые вдохи. Он никогда не чувствовал себя таким выжатым. Настолько удовлетворенным. Его сперма стекала по груди к прикрытому члену Гейджа, было так сексуально видеть свою метку на этой золотой коже.

Когда Гейдж не ступил под струи воды, чтобы смыть ее, Брейди потянулся за мочалкой. — Нет, — тихо сказал Гейдж. — Я еще не закончил.

Верно. Это было так давно, что Брейди и забыл о необходимой взаимности. *Социальная адаптация провалилась*. Но прежде, чем он сумел собраться с мыслями, Гейдж прижал кулак к плитке справа от Брейди.

— Теперь смотри.

“Смотреть?”

Гейдж завел вторую руку за пояс своих намокших плавок и спустил те достаточно, чтобы высвободить член. Такой же идеальный, как и сам мужчина, он был немного длиннее, чем член Брейди, но не такой толстый. Плавки так и остались висеть на бедрах и эта великолепная неряшливость Гейджа послала еще одну волну возбуждения к паху Брейди. Неужели ему позволено только смотреть? Было ли это частью мести за то, что Брейди не позволил Гейджу заполучить полную свободу действий над своим телом недели назад?

— *Mais...* (*каджун. — Но...*) — он продолжил настаивать, обращаясь к языку своих каджунских предков, чтобы выразить разочарование. — Позволь мне.

Гейдж покачал головой и провел ладонью по сперме, все еще покрывающей его пресс, сперме Брейди, и — *гребанный ад* — обхватил этой ладонью свой член. Не разрывая контакта их взглядов, он начал двигать рукой, от каждого поглаживания его глаза прикрывались от удовольствия, а из горла вырывался стон. Снова став твердым от открывающегося вида и непристойного саундтрека, Брейди мог только смотреть, как этот идеальный образец мужчины доводит себя до оргазма, используя сперму Брейди, как смазку.

— Гейдж. *Mais*, пожалуйста, — и только, когда Брейди думал, что больше уже не выдержит и просто обязан взять дело в свои жаждущие руки, Гейдж наклонился для глубокого поцелуя. Рот Гейджа был генетическим чудом, мягкие губы, окруженные грубой щетиной. А этот поцелуй... он целовал Брейди так, словно завтра может наступить конец света.

С громким стоном, Гейдж отстранился, румянец на его щеках означал, что он близок к разрядке. Он удерживал свой напрягшийся член вдали от тела Брейди.

Нет. Этого *не* произойдет.

— На меня, Гейдж. Кончи на *меня!* — Брейди не волновало, что его голос звучал отчаянно. В этот момент он отдал бы все, чтобы заполучить струи Гейджа на себя.

— Брейди, — хриплый шепот. Гейдж прикрыл глаза и выстрелил на торс Брейди, покрывая все его уродливые шрамы. Великолепный беспорядок на ужасном беспорядке тела Брейди.

Такой чистоты Брейди не ощущал уже годы.

***

Брейди еще раз проверил свой телефон: 13:45. Время принимать очередную дозу

Викодина, но он знал, что бы предпочел получить: старый добрый поток эндорфинов от секса. И даже нет необходимости доставлять удовольствие себе левой рукой, — на данный момент его единственной рабочей рукой, — потому что любимый метод доставки эйфории прямо сейчас находился в его постели. Гейдж все еще был здесь.

После душа Гейдж нежно обтер полотенцем чувствительную кожу Брейди, промокнул свою и заявил: “Пора на боковую”. Это было четыре с половиной часа назад.

Это был первый раз, когда в постели Брейди был мужчина. После того, как Гейдж потратил столько усилий, чтобы забрать его, привести домой и позаботиться о нем, в каждом возможном смысле слова, Брейди не мог прибегнуть к книге правил. *Кончил, теперь уходи*. Правила удерживали его в здравом уме, но они также возводили препятствия на пути каждого реального шанса на то, чтобы начать жить нормальной жизнью.

Для бедного ребенка родом из глуши, находящейся в восьми километрах от Батон-Руж^[12], Брейди нравилось думать, что ему комфортно быть тем, кто он есть. Особенно когда его родители отвернулись от него, когда он признался в своей нетрадиционной ориентации в шестнадцать, а затем возобновили отношения, когда он стал героем после побега из террористического плена в Афганистане. Возвели его в ранг божества, когда выяснили, что Эли Купер, вскоре собирающийся стать мэром большого города Чикаго, был его братом и приятелем в морской пехоте.

Деньги, которые он стабильно посылал им раз в месяц, тоже поспособствовали этому.

Строгое воспитание Луизианы и последовавшая за ним служба в морской пехоте научили Брейди хорошему качеству: держать свои мысли при себе. Не стесняться их, но, конечно же, и не кричать во всеуслышание. Секс никогда не был проблемой до того, как его мир перевернулся вверх дном в пустыне, и потом... ну, он выяснил способы, которыми можно найти облегчение, не столь удовлетворяющие, как могли бы быть.

Ни один парень не хотел трахать Брейди с включенным светом, но он никак не ожидал, что настолько великолепный мужчина, как Гейдж, не будет считаться с правилами. Он мог закадрить каждого парня в комнате: гея, натурала, горячего, как ад, страшного, как грех. Если бы он хотел затащить в постель всю линию нападающих “Чикаго Бэарз”^[13], он мог бы, наверное, провернуть это, сказав: “Привет, я — Гейдж Симпсон. Я сексуален, огромен, зарабатываю, спасая жизни, и в свободное время являюсь моделью для билбордов. Джей Катлер^[14], наклонись и покажи мне свой белоснежный зад”.

Этим утром в душе Гейдж снова разрушил все правила, и Брейди это нравилось. Он жаждал этого. Вопрос был: что теперь?

— Эй.

Брейди повернулся к мягкому ото сна голосу и обнаружил Гейджа, проводящего рукой по своим спутанным светлым волосам, торчащим во все стороны, потому что он заснул с мокрой головой. Это движение приковало взгляд Брейди к бицепсам мужчины с татуировкам в память о его приемном отце и сводном брате, которые погибли в огне восемь лет назад. Гейдж натянул джинсы, застегнул молнию, но оставил расстегнутой пуговицу. От вида выпирающих тазобедренных костей, обрамляющих пресс, Брейди был готов упасть на колени в поклонении.

Должно быть, каджунская^[15] бабуля Брейди что-то *наколдовала*. Только темная магия могла объяснить, почему Гейдж был здесь.

Двигаясь с томной грацией, Гейдж направился к холодильнику и вытащил бутылку

воды. Выпил половину одним глотком. Брейди замерев наблюдал, как гладкая, загорелая кожа его горла перекатывалась при глотке. Он хотел облизать эту шею и опуститься ниже.

Когда Брейди так и не смог вымолвить хоть пару слов, Гейдж ухмыльнулся.

— Итак, Шеф, должен ли я воспринимать твое молчание, как сожаление о том, что произошло пару часов назад?

Брейди удалось улыбнуться.

— Нет, вовсе нет, это было удивительно. Мне только жаль, что ты заскучал настолько, что заснул сразу после. Отличная работа “дееспособного взрослого человека”.

— Дерьмо, предполагалось, что я не буду давать тебе уснуть, верно? — Гейдж подошел вплотную и взял Брейди за подбородок, его глаза были полны заботы. Дьявольская Медсестра неоднократно повторила, чтобы Брейди находился с кем-то, кто будет удерживать его в сознании, чтобы убедиться, что он не впадет в кому. — Чувствуешь головокружение? Слабость? Путаницу в мыслях?

Все вышеперечисленное, но не из-за сотрясения.

— Я в порядке, Сестра Симпсон.

— У меня было четыре вызова прошлой ночью, включая пожар в жилом доме, так что я не поспал в отделении, — пояснил Гейдж с сексуальной полувиноватой улыбкой. — Мой посторгазмический провал в сон не был чем-то личным, — он отстранился и потер рукой свою невероятную грудь. — Итак, как ты хочешь, чтобы все шло дальше?

Типичный Гейдж, никаких уверток, сразу напрямик к главному. Как он сказал в душе?

“Пытаться — это сексуально”.

Брейди был готов попытаться. Ради Гейджа, ради себя, потому что, черт побери, если парень не заставил его почувствовать *надежду* впервые за вечность. Брейди зацепился пальцем за петлю на джинсах Гейджа.

— С этой рукой я на какое-то время бесполезен в ресторане, так что, если ты свободен и хочешь позависать...

— Конечно. Мне надо отлучиться в одно место на пару часов, но мы могли бы снова пересечься позже.

То, насколько небрежно Гейдж произнес это, причиняло боль. Обычная напористость, эта сталь в его голосе, когда он хотел Брейди, ее не было, и Брейди не понравился комок разочарования, свернувшийся, словно цемент, у него в животе. Дело было в том, что ему надо было куда-то идти? Был кто-то еще, с кем ему надо было быть?

— Ладно, — ответил Брейди, потому что даже равнодушный Гейдж был лучше, чем ничего.

— Я обещал другу сходить с ним в “Сайдтрек”^[16] сегодня вечером. Можешь присоединиться к нам.

К нам? В шумном клубе Бойстауна, полном горячих парней, стремящихся потереться о бога, который украшал билборды и календари с пожарными? Внезапно попытка перестала казаться ему такой уж сексуальной.

— Это совсем не мое.

— Значит, в другой раз, — Гейдж выскользнул из жадной хватки Брейди и эта явная перемена по сравнению с предыдущими ролями была прекрасным моментом иронии, который Брейди честно попытался оценить. — Тебе что-нибудь нужно до того, как я уйду?

Всего лишь машина времени, чтобы вернуться в момент, когда Гейдж хотел его больше, чем что-либо еще, и не боялся явно показать свои намерения. Брейди покачал головой.

Гейдж пошел обратно в ванную, чтобы забрать свою футболку, оставив Брейди размышлять о том, стало ли все лучше или хуже, чем было до этого.

Учитывая послеполуденный трафик, дорога до Ломбарда заняла час, время, которое Гейдж использовал, чтобы приспособиться к надувным нарукавникам, потребовавшимся ему едва он прыгнул в этот бассейн с дерьмом. Он включил радио на полную громкость, позволяя ритму течь сквозь него, но все мысли возвращались к одному: Брейди.

Гейдж никогда не видел никого, настолько шокированного собственным удовольствием, как Брейди, когда он кончал в душе. То, как исказилось его лицо и закатились глаза, до конца жизни отпечаталось в мозгу Гейджа. Словно он считал, что не заслуживал чувствовать себя хорошо. Никто никогда не должен чувствовать, что он не заслуживает оргазм, и все же, если Гейдж собирался быть честным с самим собой, он бы разочаровался, если в будущем, обладая Брейди, каждый раз не будет видеть этот взгляд на его лице.

Потому что это случится снова.

На этом сюрпризы не заканчивались. Брейди казался чертовски удивленным тем, что Гейдж не прыгает вокруг него, как собачонка. Чего он ожидал, после того, как все пошло по наклонной? Молчать и делать вид, что это обыденные взаимоотношения, насколько это возможно, было единственным способом предотвратить очередную поездку по нему Поезда Боли.

Хотя, *единственным* способом было бы покончить со всем раз и навсегда. Стопроцентная свобода для Брейди. Но Гейдж уже какое-то время не трахался с другими парнями и ему претила мысль о том, чтобы быть с кем-то еще. У него были потребности и он мог это контролировать.

Он увеличил громкость, наслаждаясь старой доброй композицией “Muse” и к тому времени, как доехал до Дома престарелых “Хиллвью”^[17] (совсем не на холме, да и вид оттуда был не очень), Гейдж расслабился настолько, насколько смог. Но запах дезинфекции послал все его спокойствие к черту, а его мускулам потребовалось всего несколько мгновений, чтобы затвердеть, словно быстросохнущий цемент. Так же как и мозгу, чтобы спросить у сердца: “Почему мы снова это делаем?”

Почти два часа спустя Гейдж рассеянно смотрел в окно, выходящее на газон размером с почтовую марку, на который уже опустились ранние сумерки. Комната активного отдыха была далека от активности, которая подразумевалась в названии, если не считать игроков в карты и бесцельно блуждающих зрителей. Пара посетителей пыталась доиграть партию в шашки, общедоступную сумасшедшую версию, где каждый мог ходить, как ему вздумается.

Он направил взгляд на женщину, сидящую на стуле напротив него. В свои пятьдесят семь она выглядела слишком молодой для этого места, но учитывая ее стиль жизни, никто не мог ожидать, что она хотя бы доживет до этого почтенного возраста. Сейчас она страдала от ранней стадии болезни Альцгеймера, поэтому ее тело было накачено коктейлем из разных лекарств, которые она глотала, как леденцы.

— Кушай свое Джелло^[18], — сказал он, подталкивая к ней пластиковую чашку.

— Не люблю зеленое, — пробормотала она.

Тут Гейдж был с ней согласен. Зеленое Джелло было худшим.

Она уставилась на него, запавшие голубые глаза под прилизанными волосами. Он помыл ее волосы около часа назад, расчесал и высушил, пытаясь придать им блеск, но те

отказывались сиять. Жаль, потому что она всегда так гордилась своими волосами. “*Мой дар от бога*”, называла она их.

— У тебя есть возлюбленная? — спросила она, словно не задавала этот вопрос в каждый его визит.

— Есть кое-кто.

— Должно быть девушки гоняются за тобой по улицам.

Гейдж усмехнулся. Парни тоже.

— В основном это потому, что я пожарный. Но я ношу защиту, — он встал и повернулся, показывая ей слоган на своей футболке: “Держи дистанцию 500 шагов”.

Ей потребовалось время, но она все-таки рассмеялась. Девичье хихиканье, отличающееся от всего, что он слышал ребенком. Она никогда не смеялась.

— Едва ли это сработает. Ты слишком красивый, чтобы они держались подальше, Джон.

Он снова сел, желая, чтобы заноза из его сердца при упоминании этого имени исчезла. На самом деле глупо, учитывая, что оно было именно тем, которое он назвал ей. В первый день своего визита сюда, шесть недель назад, он вошел, сжимая то письмо от социальной службы, с бешено стучащим сердцем, не ожидая ничего, кроме пожарного штанга с купоросом. Словно она начнет все с того места, на котором остановилась, когда ему было четырнадцать, последний раз, когда он ее видел. Но она посмотрела на него с ничего не выражающим лицом и пустыми глазами и спросила единственный вопрос, которого он никак не ожидал:

— Кто ты?

В тот день он стал Джоном. Парнем, которому нравится посещать дом престарелых в гребаной Монголии, потому что он был весь из себя приличный мальчик, при этом большую часть своих двух часов визита он посвящал Эммалин Симпсон, у которой, по словам персонала, не было посетителей. Не осталось никого, кто помнил бы ее.

Но Гейдж помнил.

Помнил двенадцатичасовые стояния на коленях и изучение Библии, пока не сваливался от боли и усталости. Еженощные ванны с хлоркой, чтобы вычистить демона, живущего внутри него. Панические атаки, от которых он страдал, потому что отличался от других.

Гейдж не хотел иметь ничего общего с теми воспоминаниями или с женщиной, которая была их причиной. Но Джон был святым. Джон забыл.

Джон простил.

Он спросил ее о семье. Она ответила, что они все умерли. Может она, действительно, верила в это, или может ей просто было все равно.

“*Я здесь, мама*”, хотел прокричать Гейдж. Успешен в выбранной им профессии. Любим своей приемной семьей.

Вместо этого Джон выразил сочувствие тому, что у нее никого не осталось.

Минуты тикали. Кто-то “выиграл” в шашки. В отдалении раздавался шум пылесоса.

— Мне пора идти, пока не начались пробки, — он встал и наклонился, чтобы поцеловать ее в макушку. Она была такой хрупкой, пустая оболочка. Совсем не стоящая его ненависти. Но часть его хотела остаться и использовать это время с ней, отыскивая... он не был уверен в том, что именно.

— Спасибо, Джон, — прошептала она. — Приводи свою девушку в следующий раз.

Он с трудом выдавил из себя улыбку Гейджа Симпсона, ту, которая сбивала с ног парней на Холстед Авеню.

Воздух в “Сайдтреке” был душный от пота, одеколона и обещания секса, в то время как пестрое разнообразие блестящих тел корчилось под бум-бум басы. Студенты, рокеры, кожаные папочки и любители тренажерки — терлись плечами и другими частями тела в этом древнем ритуале, известном как Ночь пятницы в Бойстауне. Тут даже однойцевый козел мог заполучить секс.

Несчастный компаньон-новичок Гейджа был больше похож не на козла, а на нервничающего зануду.

Гейдж подтолкнул стакан с “Ред Булом” и водкой к Джейкобу Скотту, своему коллеге по машине и последнему пополнению Чикагского гейского сообщества.

— Выпей это и попытайся не выглядеть так, словно в любую секунду упадешь в обморок.

Джейкоб толкнул стакан назад и оглядел еще одним нервным взглядом толпу.

— Так и знал, что это было ошибкой.

Гейдж с трудом подавил желание закатить глаза, в пятьдесят седьмой раз за вечер сожалея о том, что согласился сыграть Оби Вана для Джейкоба Люка Скайуокера в прекрасном искусстве “как подцепить кого-нибудь”. Учитывая, что толпа в “Сайдтреке” была всего на пять процентов более разборчивой, чем любящий задницы контингент в Роско, то есть вовсе не привередливая, Джейкоб должен был моментально завоевать успех. Но с тех пор, как они вошли сюда десять минут назад, тот выглядел несчастным. Основной отпугиватель для секса.

— Я говорил тебе надеть футболку ЧПД, тупица. Это магнит для мужчин.

— Я хотел выглядеть мило, — ответил Джейкоб, нервно пощипывая верхнюю пуговицу своей голубой в розовую полоску рубашки. — Думал толпа будет немного менее... гейской, — он бросил злобный взгляд на пару трансвеститов, один из которых подмигнул ему в ответ длинными накладными ресницами.

— Если хочешь чего-то менее гейского, иди на встречу Юных Республиканцев. Ты здесь, чтобы гордо отметить первый выход в свет, даже если ты едва нос высовываешь из своего закутка, а гордость глубоко похоронена в твоей девственной заднице.

Гейджу, возможно, стоило немного больше сочувствовать парню, так как Джейкоб только недавно признал, что ему нравится целовать парней. К несчастью, для демонстрации своей новообретенной храбрости он выбрал непрощенный смачный поцелуй, доставшийся Гейджу пару месяцев назад. В обычных обстоятельствах, такое поведение отправило бы парня в дерьмовый список Гейджа, но Джейкоб провернул фокус со щенячьими глазками и отдал видео, которое вытащило Алекс из горячего дела, угрожавшего ей потерей работы. Теперь Гейдж играл в фею крестную для парня, который был не столь привлекательным в месте, где привлекательность не играла роли.

Иногда оптимизм Гейджа становился для него занозой в заднице. Но разве не потеряшки стали основой его выбора профессии? Сначала все то дерьмо с “дорогой мамашей” в пригороде, сейчас попытка сорвать вишенку Джейкоба без того, чтобы делать

эту работу самому. И верхушку всего этого он оставил в лофте в западном Лупе, с рукой на перевязи и приятным послевкусием, оставшимся не без участия вашего покорного слуги.

Заиграла “Hung Up” Мадонны и толпа сошла с ума. Парни геи могли спорить о лучшем месте для позднего завтрака в Лэйквью или о том трахнуть, жениться или убить Брэдли Купера, но вы с трудом нашли бы того, кто не любит Маджи, включая ее дерьмо, выпущенное в двадцать первом веке. Гейдж вздохнул. В последнее время эта сцена, действительно, утомляла его. Он лучше позависал бы с Брейди, готовя у него на кухне, касаясь руками, бросая украдкой взгляды и потираясь... *а, пошло оно все.*

— Давай же, — Гейдж вытащил Джейкоба на середину танцпола. Он не знал другого способа, как сорвать девственность с задницы Джейкоба, кроме как начать двигаться и, что более важно, представить новичка в лучшем свете. Какому-то мелкому любителю потрахаться потребовалось двадцать секунд, чтобы подкатить.

— Кто твой друг? — услышал Гейдж на ухо.

Гейдж повернулся и обнаружил Тоби Мейсона, парня, с которым он как-то веселился в своей жизни до Брейди. Тоби держал свой магазин “Холлистер” и сегодня выглядел весьма пригодным для съема в футболке, которая подчеркивала его грудь и выставляла на показ впечатляющие бицепсы.

— Это Джейкоб. Он новичок во всем этом.

Глаза Тоби зажглись и Гейдж мысленно хлопнул себя по лбу. Любитель.

— Насколько новичок?

Он повернулся к Джейкобу спиной, чтобы разговаривать потише.

— Настолько новичок, что ты в полете. Его необходимо развернуть аккуратно, так что тащи свою маленькую миленькую тушку подальше и иди развращай кого-нибудь другого.

— Я могу быть нежным, — возразил Тоби, бросив похотливую усмешку через плечо Гейджа. Он действительно был невероятно горячим и если Гейдж не был бы настолько зациклен на одном капризном шефе, то был бы не прочь погрузить свой фитиль в эту скважину снова. — Только на прошлой неделе, был этот великолепный рыжий...

Гейдж перестал слушать Тоби, сканируя местность на лучшее место для распаковки девственности. К несчастью, все малыши были тоньше печенья. Фланелевые придурки в стиле ламберсексуал [\[19\]](#) ? Идите рубите дрова в другом месте. Серферы стройняшки с пустыми улыбками? Пусть бедра этих ребят поработают над теми, кому это интересно.

Он продолжил свое исследование. *“Идем дальше... забудь об этом... не в этой жизни...”* Неожиданное изображение рядом с баром резко выделилось в его обзоре. Не может этого быть.

Обернувшись, он обнаружил, что Джейкоб танцует какой-то странный танец с парой кожаных фриков. Своего рода прогресс. Гейдж прошипел Тоби:

— Приглядывай за ним и держи свои смазанные ручонки при себе.

Услышав в ответ похотливое “о, да” от Тоби, Гейдж направился через толпу ко входу и к единственному мужчине, которого не ожидал увидеть.

— Привет, — сказал он Брейди, который настороженно оглядывался вокруг и не страдал от нехватки внимания. От собственнических мыслей у Гейджа потеплело в груди. *“Прочь, сучки, он мой”.*

— И тебе привет.

Рука Брейди была на перевязи, а толпа слишком тесной, поэтому его толкали в спину. В защитном жесте, положив руку ему на спину, Гейдж завел мужчину за столб, убрав с пути

этих безумцев.

Брейди вглядывался в его лицо, может ища подтверждение, что он правильно поступил, заявившись так неожиданно. Проявив инициативу, его губы разомкнулись, между ними промелькнул розовый кончик языка, и Гейдж даже под присягой не смог бы сказать, кто пошевелился первым, но их рты обрушились друг на друга. Языки и губы сражались за контроль. Руки Гейджа переместились на задницу Брейди, пока он целовал его так, словно прошел месяц с тех пор, как они виделись, а не всего лишь время с сегодняшнего полудня. Было ощущение, что за последние восемь часов промелькнуло миллион жизней, и раз уж Гейдж не мог поделиться этим на словах, то хотел поделиться этим другим способом.

“Я скучал по тебе. Ты нужен мне. Ты все, о чем я могу думать”.

Гейдж прервал поцелуй, пытаясь в этой суматохе мыслей обрести голос. Но испытываемое им отчаяние, должно быть отразилось на лице. Брейди обнял его своей большой рукой за шею и провел большим пальцем по чувственной линии вдоль челюсти.

— Что-то случилось? — на его лице снова появился этот мрачный взгляд, словно у ворчащего Лиама Нисона, когда тот угрожал тем похитителями, используя свой “особый набор навыков”^[20]. Так горячо. А Гейдж, ноющий о своих проблемах, мог только перенаправить ситуацию от “веселье на подходе” до “никакого члена в ближайшее время”.

— Нет, если не считать того момента, что я погружался в приятный сон этим утром, когда получил звонок о том, что один гребаный идиот упал со своего байка, потому что, очевидно, у него внимательность, как у белки. А потом ублюдок еще имел наглость обвинять меня, хотя меня там даже не было!

— Мой член знает, кто тут виноват, — пробормотал Брейди.

Гейдж рассмеялся.

— А ты, Шеф, становишься все забавнее. Хочешь выпить? Потанцевать?

Смущенная улыбка исказила его суровые черты.

— Только тебя, Золотце.

Ух ты. То, как он сказал это, было похоже на пробежавший по яйцам Гейджа язычок.

— Это говорит Брейди Смит или ужасно сильнодействующие лекарства?

Брейди нахмурился.

— Я не ожидаю многого, Гейдж. Знаю, что не имею права, после того, как я водил тебя за нос, но черт, — он положил руку на быстро бьющееся сердце Гейджа и покачал головой, словно не мог поверить, что *признается* в чем-то. — Я намного больше радуюсь жизни, когда ты рядом, а это должно что-то значить.

— Это ты-то радуешься жизни?

Смех Брейди прокатился по Гейджу, словно жар через вентиляцию крыши.

— Да, я.

— А что о проблемах с прикосновениями? — Несмотря на сегодняшнее утреннее веселье в душе, ему надо было знать, — не под кайфом, согласится ли Брейди на методы Гейджа, целиков включающие в себя прикосновения.

— У меня есть некоторые... проблемы с контролем, — от усмешки Гейджа, Брейди закатил глаза. — Да, я знаю. Если я главный, то я решаю, что ты можешь сделать со мной. Что ты можешь трогать. И на что смотреть.

Как его шрамы, предположил Гейдж. Может что-то еще.

Брейди нахмурился.

— Гейдж, такие парни, как ты, не бегают за такими, как я. Когда мы раньше были

вместе, я чувствовал себя так, словно был для тебя хорошим делом на этот месяц.

В Гейдже вспыхнул гнев.

— Уже поздно и ты навеселе от огромной дозы, принятой за день, так что я сделаю вид, будто ты не оскорбил нас обоих этим утверждением. Жалость не возбуждает меня. Я посылаю парней, которые заводят меня и давят на кнопки, а ты, Брейди Смит, давишь на все мои кнопки. Единственное хорошее дело, которое я буду делать этой ночью, касается ангелов.

— Ангелов?

— Разве ты не слышал? Каждый раз, когда я заставляю тебя кончать, ангел получает крылья.

На секунду Брейди опустил свой затуманенный взгляд на рот Гейджа.

— Нам действительно пора уходить. Прямо сейчас.

Гейдж вздохнул.

— Ну, в нормальных обстоятельствах, я был бы целиком за эту эту идею, но я что-то вроде няни для своего коллеги, пока он пытается выяснить, достаточно ли он гей, чтобы распечатать свою Д-карту, — супермилое недоумение отразилось на лице Брейди. — Долгая история. Но ты здесь и я знаю, что ты ненавидишь клубы, так что то, что ты пришел сюда, чтобы увидеть меня согревает мое холодное, циничное сердце.

— В твоем теле нет ни одной циничной косточки, Гейдж.

Это была правда, подумал он. Цинизм удерживал людей от попыток. А, черт побери, разве он не пытался все это время?

— Ладно, циничных косточек нет, но... — он потерся бедрами о Брейди, давая тому понять, что другая твердая как кость часть тела, требовала внимания. *И что у нас тут?* Такая же точно твердая эрекция Брейди, вызвала дрожь в яйцах Гейджа, а от очередного грязного движения из горла большого шефа вырвалось “*черт*”. То, как смягчилось выражение его лица, вернуло в воспоминания Гейджа сексуальные моменты этого утра. Вид того, как широко распахнулись глаза Брейди в том душе, как он покраснел, а его рот расслабился, когда Гейдж выжал из него все до последней капли, стоил всех разочарований прошлых трех месяцев.

Собственное “*чччерт*” в груди Гейджа сказало ему, что обыденным все может быть с кем угодно, но не с парнем, который скрутил его как крендель и у которого внутри больше шрамов, чем снаружи. Ему придется хорошенько постараться.

— Расскажи мне о своей татуировке под грудью. О змее.

Брейди насупился.

— Иисусе. Сейчас?

— Не Иисус, просто Гейдж.

— Давай уйдем...

Гейдж прижал его крепче к столбу.

— Расскажи мне или я заставлю тебя кончить прямо здесь перед всеми, — Гейдж может и любил показуху, но публичных сексуальных актов в его активе не было, конечно же, Брейди не знал об этом. Тусклое освещение, их полускрытое расположение, и потерявшиеся в собственных сексуальных мирах гуляки значили, что никто, очевидно, ничего и не заметит, но Гейдж сделал ставку на сдержанность Брейди. С каждым поцелуем, растиранием и сосанием, он отбрасывал бы слои Брейди, по татуировке за раз.

Повернув свое тело, чтобы замаскировать действия от двигающейся толпы, Гейдж

провел рукой вниз к передней части джинсов Брейди и обхватил весомую выпуклость.

— Ты уже на полпути, и знаешь, что я эксбиционист до мозга костей. Мой рот уже полон слюны от мысли о том, чтобы попробовать этот твой огромный, толстый член. — он обвел языком мочку уха Брейди и проникновенно застонал. — Что за история кроется за змеей, Шеф. Или я выдою тебя досуха, прямо здесь, прямо сейчас.

Медленное жесткое движение по растущей эрекции Брейди привело к еще одному хриплому горловому стону.

— Я... я сделал ее после того, как пошел в морскую пехоту двенадцатого сентября.

Его не должно было удивить то, что Брейди завербовался на следующий день после падения башен-близнецов, но что-то сжалось в груди Гейджа при упоминании о службе Брейди.

— Почему змея?

— Символ обновления и очищения, а моя жизнь до этого момента была довольно бесцельной. Я хотел начать с чистого листа, сбросить свою старую кожу.

— Это сработало?

— Ненадолго, — Брейди замолк. — Мне потребовалось время, чтобы понять, что ты не можешь так легко избавиться от прошлого, даже с новой работой, новой кожей, новой миссией. Оно всегда там, поэтому тебе надо найти способ жить с ним. Сосуществовать.

Для Гейджа новым началом было обретение Дэмпси, когда ему было десять лет, но то, что случилось до этого с его матерью все еще липло к нему, как пот после неудачи. Две половины его жизни, сейчас переплелись таким образом, что Гейдж не был уверен, что сможет с этим справиться.

Движимый пронизательностью Брейди, Гейдж отошел назад, чтобы получше все рассмотреть. Освещенные мерцающими видеозэкранами клуба, в его глазах горело понимание. Парень знал, к чему все шло и это было сексуально как ад.

Гейдж наклонился и всосал нижнюю губу Брейди.

— Я сказал, что заставлю тебя кончить, если ты не расскажешь мне об этой татуировке. Но знаешь что, Брейди? Я солгал. Я заставлю тебя кончить в любом случае.

Проглотив протест Брейди глубоким поцелуем, Гейдж расстегнул его джинсы и обернул руку вокруг великолепной эрекции. Из горла Брейди вырвался стон. Он откинулся назад всем телом, что только толкнуло его горячий член в руку Гейджа. Если бы Брейди действительно хотел освободиться, он оттолкнул бы Гейджа прочь, с вывихнутым плечом или нет.

Но он не сделал этого.

Гейдж знал, что это было сумасшествием, вовсе не он, а этот задумчивый, несгибаемый человек, пробравшийся ему под кожу очень серьезным и опасным способом. Он сделал бы что угодно, чтобы заставить его потерять все рациональные мысли. Показать ему мир того, кому он принадлежал и, может быть, того, кто принадлежал ему. Брейди продолжал тереться о ладонь Гейджа, зажав в свободной руке его футболку, с глазами потемневшими от желания. Умоляя Гейджа открыть клетку, в которую он был заключен.

Гейджу удалось прерывисто выдохнуть:

— То, что я хочу сделать с тобой, Брейди. Столько всего непристойного и красивого.

— *Laissez les bon temps rouler*, — Брейди лизнул уголок рта Гейджа, движение, которое невидимой нитью удовольствия отозвалось в ноющем члене. — Орлеанский вариант “Давай наслаждаться жизнью”.

“Спасибо тебе, Вселенная”.

Но что бы вы думали, эта сука имела убийственное чувство юмора и выбрала именно этот момент, чтобы продемонстрировать свой комический выбор времени? Краем глаза Гейдж уловил розово-синее пятно. Гейдж выбросил руку, не обернутую вокруг члена мужчины, и схватил воротничок оксфордской рубашки.

— Куда это ты собрался, Дева Мария?

У Джейкоба был тот робкий взгляд, который, кажется, наконец-то сработал ему на пользу. Тоби, обнимающий Джейкоба за спину и решительно шагающий своими обутыми в ботинки ногами, разыгрывал Плохого Большого Волка.

— Наружу, получить немного воздуха, — пробормотал Джейкоб, застенчиво взглянув на Тоби.

Если опустить слово “воздуха” в конце предложения, то получится более точное описание того, что тут происходило. Гейдж перевел взгляд с одного на другого, а затем обратно на великолепного, испорченного парня, с которым он больше всего хотел оказаться обнаженными. В такие моменты он хотел не быть единственным трезвым взрослым мужчиной в Бойстауне.

— Давайте не будет дрочить, пока не прогуляемся. Никто не получит секса, пока я так не скажу.

Брейди прикусил его за ухо, посылая волну похоти через тело Гейджа, как раз когда его мозг немного прояснился.

— Ты задолжал мне минет, Золотце.

— Не могу поверить, что ты заставил их сначала сходить на свидание. С молочными коктейлями.

Брейди пытался открыть камерный холодильник в “Смит & Джонс”, но его здоровая рука отказывалась сотрудничать. Гейдж решительно отодвинул его на шесть футов ^[21] в сторону к хромированной столешнице.

— Пусти меня, немощный, — сказал он снисходительным тоном, который иногда у него проскальзывал. Сегодняшняя футболка гласила: “Берегите воду. Принимайте душ с пожарным”, жар окатил Брейди, когда он вспомнил, сколько воды они сберегли сегодня утром. — Конечно же я заставил их сначала узнать друг друга. Я отвечаю за этого ребенка.

— Тебе двадцать четыре, а он, по крайней мере, на пять лет старше тебя.

Гейдж усмехнулся и распахнул тяжелую дверь из нержавеющей стали.

— Мудр не по годам, это про меня. Ни в коем случае я не позволю своему подопечному уйти с этим развратником Тоби, перед этим не установив несколько основных правил.

Основных правил? В закуской “Мелроуз” в паре кварталов от бара, Гейдж усадил всех четверых в кабинку, заказал всем шоколадный солод и начал допрос с пристрастием Тоби о его намерениях. Не то, чтобы его намерения не были так же ясны, как блудливая усмешка на его лице: ввести свой член в эту девственную задницу быстрее, чем успеешь сказать “передайте мне смазку”. Но Гейдж хотел убедиться, что Джейкоб не имел ничего против жесткой специфики. Если чего-то и не хватало в “Век живи, век учись: издание по срыванию вишенки”, то Гейдж отдельно объяснил испытывающему неловкость Джейкобу “что произойдет” и как он может остановить все “в любой момент”.

На самом деле, довольно мило.

Гейдж спросил из холодильника:

— Что я ищу?

— Сыр Фонтина, верхняя правая полка. Хлеб Чиабатта, полка под сыром.

Брейди как загипнотизированный наблюдал за тем, как Гейдж передвигается по кухне, словно танцор, настолько комфортно себя чувствующий в своем теле. Они готовили вместе и раньше пару раз, в те первые дни, когда Брейди не мог понять, почему кто-то такой, как Гейдж, хотел тратить свое время на кого-то, как он.

Все еще не понимал.

— Я помню каким был мой первый раз, — пояснил Гейдж, успевая и нарезать сыр и растапливать сливочное масло на сковороде, — и я хотел бы иметь кого-нибудь, кто взял бы меня под крыло и убедил, что я не обязан делать то, чего не хочу.

— Что произошло в твой первый раз?

Гейдж повернулся, подняв руки, чтобы развеять беспокойство, которым был пронизан голос Брейди.

— Не пойми меня неправильно. Я хотел этого. Но парень был старше меня и я отчаянно стремился стать тем человеком, которым считал, что должен быть. Я был так уверен в том, что как только потеряю свою девственность и превращу в бабочку своего внутреннего гая, все, что происходило до этого, обретет смысл.

— Имеешь ввиду, когда ты был гусеницей в приюте?

Гейдж схватил “Грэни Смит” из чаши с фруктами, стоящей на столешнице, нож для

чистки с разделочного стола и начал чистить яблоко.

— Приют был как мир Диснея по сравнению с жизнью с моей матерью. Она была просто нечто. Помешанная на Библии, которой совсем не нравилось, что ее сын был не таким, как все.

Брейди знал, на что это было похоже. Глубинка Луизианы не была прибежищем толерантности.

— Она еще жива?

— Нет, она... она умерла, — в пожатии плечами Гейджа не было сожаления, как и в его голосе, когда он говорил это.

— А твой отец?

— Никогда не знал его. Непорочное зачатие, по словам моей мамы.

Брейди поднял бровь.

— Я не шучу. За исключение того, что папа, очевидно, был демоном, потому что смотри, каким я получился.

Это было довольно запутанно. Брейди хотел расспросить поподробнее, но язык тела Гейджа выражал “не переходи границы” и он попробовал найти более безопасную территорию.

— Кто научил тебя готовить?

— Ма Дэмпси. Мэри, — Гейдж нарезал яблоко тонкими полосками, ощипал веточку розмарина и начал нарезать, требующей большого опыта, техникой назад-вперед. — До того я побывал в нескольких разных местах, но Дэмпси первыми признали мое величие. На кухне и везде, — он усмехнулся. — С ними я, наконец, почувствовал себя в безопасности. До тех пор я никогда этого не ощущал. Все предыдущие семьи не справлялись с ребенком, который был настолько невероятным.

— Сколько тебе было, когда ты понял?

— Что я гей? Не могу вспомнить. Полагаю, я знал всегда, но все обретает значение только когда узнают другие люди, верно? — соорудив два бутерброда с сыром, яблоком и розмарином, он уложил их на сковороду с разогретым маслом. — Когда я поцеловал очень удивленного Билли Николсона в четвертом классе, все это стало проблемой кого-то другого.

— Да уж, взрослым обычно не нравится сталкиваться с суровой правдой.

Улыбка Гейджа была нервной, но по-прежнему великолепной.

— Иногда я задаюсь вопросом, не лучше ли было бы врать подольше. Сглаживать все, как считаешь?

Что-то укололо Брейди в груди при этом определении. Врать или отказывать говорить о проблеме, что часто сводилось к одному и тому же, было даром для кого-то раненого так сильно, как он. Но слышать, как Гейдж пропагандирует что-то кроме исключительной честности, которую Брейди любил в нем, было полностью неправильно.

— Знаешь как говорят, — ответил Брейди. — Будь собой, потому все остальные уже заняты.

— Так они говорят, — для кого-то, кто находился настолько в согласии с тем, кем он был, Гейдж звучал не слишком убежденно.

Пару минут спустя, он выложил на тарелки два идеально прожаренных сырных бутерброда. Засранец не мог хотя бы с одной стороны немного пережарить их.

— Отлично подойдут под пиво, может, под хороший сидр. Как думаешь такое фантастическое место, как это, может выполнить этот запрос?

— Вероятно.

Они уселись плечом к плечу в кабинку с парой бутылок сидра Кло Де Дюк^[22] и ароматными, аппетитными бутербродами. Было уже почти пол второго утра, темное дерево ресторана и античные зеркала сияли бархатной чувственностью. Брейди не мог не ощутить прилив гордости за свой успех. Годы в пустыне и у него наконец-то что-то получилось хорошо. По крайней мере в плане карьеры.

Удовольствие в его груди также имело отношение к мужчине, сидящему рядом с ним. Гейдж внимательно наблюдал за тем, как Брейди подносит поджаренный сыр к своему рту.

— Не суди меня слишком строго, Шеф. Я больше импровизирую, чем готовлю.

Брейди откусил кусочек. Еще один. Черт, *это было хорошо*. Сладко-соленое сочетание масла, сыра и яблок взрывалось на языке, а необычное добавление розмарина раскрывало ароматы, которые невозможно было бы получить при помощи других ингредиентов.

— Хорошая работа, учитывая твой энтузиазм, — сказал Гейдж после еще двух укусов и невозможности Брейди облечь в слова то, насколько чертовски вкусно это было.

— Я добавляю это в свое меню.

Гейдж рассмеялся, не прекращая жевать.

— Подкуп не обязателен. Ты уже заполучил меня.

Но насколько долго? Увидев горячее, молодое, идеальное тело Гейджа,двигающееся в центре толпы на танцполе этой ночью, Брейди чуть не поджал хвост и не развернул свои Док Мартенс сорок пятого размера в сторону двери. Какого черта он пришел туда, делая вид, что зависать в гей-баре было нормальным для него? Словно что-то из этого было нормальным? Новизна могла на какое-то время удержать интерес Гейджа, но это не могло продлиться долго, а Брейди уже чувствовал то, чего никогда не хотел ощущать.

Словно он хотел... назвать бутерброд в честь Гейджа Симпсона.

Дожевав последний кусочек, Гейдж потер рот и откинулся назад на кожаный диванчик, словно могущественный лев на отдыхе, который ни капли не заботился о следующем приеме пищи или сексе. Что ж, он уже поел, поэтому остается...

— Когда я второй раз пришел сюда, — произнес Гейдж, — я хотел трахнуть тебя на этом столе.

Брейди закашлялся, когда поток сидра пошел “не в то горло”. Гейдж прочитал его мысли.

— Этом столе?

Гейдж посмотрел через плечо в сторону входной двери.

— Может, на том столе. Или вон том. Главное, ты, я и стол уже некоторое время являются моей главной порно-фантазией. Но я настроен реализовать часть этого сегодня ночью.

— Правда?

Гейдж наклонил голову, порочная усмешка, расплывалась на его лице по мере приближения. От этой улыбки Брейди чувствовал, словно его ударили электрошокером прямо в мозг.

— Кажется, я задолжал тебе минет, Брейди.

О, да, задолжал. Их рты встретились, грубо и отчаянно, жадно ища удовольствие, которое могли получить только от *этого* единения. Тот бутерброд мог быть удивительным на вкус, но рот Гейджа заслуживал миллион звезд “Мишлен”^[23].

Все сузилось до этого рта, руки Гейджа, поглаживающей член Брейди, его сердца,

стучащего под ладонью Брейди. Так быстро, так живо. И его тела, ставшего мягким и ослабевшим от желания, крови Брейди, наполнявшейся силой по мере того, как Гейдж вливал свою жизненную силу в него.

Нет, это не ощущалось как жалость. Это было во много раз более опасным.

***

Рот Брейди был лучшим, что пробовал Гейдж, а Гейдж считал себя знатоком. Он был сочетанием сладости и специй, не похожим ни на что, чего касались губы Гейджа до этого. Ожидание того, что другие части тела Брейди могли по вкусу быть такими же, и если они могли поспорить с этим ртом, то сердце Гейджа прожжет дыру в его груди.

— Гейдж, — простонал Брейди и Гейдж мог поклясться, что ощутил этот звук. Он пустил музыкальную вибрацию по всему его телу, удары басов к его члену,... Брейди прервал поцелуй. — Вернемся ко мне.

— Нет. Здесь. — Конечно, лофт Брейди был всего в квартале отсюда, но это было слишком далеко. Он уже ждал слишком долго. Гейдж должен был попробовать его сейчас. Он упал на колени перед кабинкой, дернул Брейди к краю кожаного сиденья и развел его бедра. Пряжка на ремне — расстегнута. Молния — тоже.

— Мы не можем, — задыхающимся голосом, в котором слышалось “да, да, я хочу, но... причина” выдавил Брейди. — Любой может увидеть нас с улицы.

Верно, они сидели в тридцати футах от открытых, от потолка до пола окон, которые выходили на “Фултон Маркет”. В предрассветные часы этот район был городом призраком, но всегда был шанс, что прохожий-извращенец мог прислониться своим носом к стеклу. Раньше это могло бы волновать Гейджа, но сейчас, мысль о том, что кто-то может увидеть его, доводящего этого огромного мужчину до пика удовольствия проложила тропинку в ранее нетронутую часть разума Гейджа.

Гордость. Собственничество. *Мой*.

— Пусть смотрят.

Мгновение, наполненное неуверенностью, Брейди смотрел вниз на Гейджа, темные глаза сияли, как камни, в лунном свете, пока он раздумывал над решением.

— Сними футболку, Гейдж.

— Мой билборд недостаточно хорош? Ох, точно, ты же не можешь не возбудиться всякий раз, когда видишь его.

Брейди возмущенно прорычал.

— Или можешь, как и все, купить календарь “Мужчины на пожаре”. Девятнадцать девяносто девять плюс налоги. Присоединяйся к общественности и поможешь благотворительности.

— Футболку. Долой. Живо.

Гейдж любил грубоватого и ворчливого Брейди. Он поднялся, само наблюдение за тем, как эти темные глаза вспыхнули, когда он стащил свою футболку, было достаточной платой. Он немного потянулся, зная, что это продемонстрирует его идеальную грудь, и, без особой причины, медленно повернулся по кругу, чем вызвал редкую улыбку Брейди. Снова упав на колени, Гейдж переместил свои руки вверх на бедра Брейди, ощущая каждую напрягающуюся в

ожидании мышцу невероятного тела этого мужчины.

— Думаю, тебе лучше подняться, Брейди.

— Зачем?

— Потому что мне нужен неограниченный доступ и... — Гейдж замолк, его рот наполнился слюной от одной мысли о том, что он собирался облечь в слова. — Это предоставит тебе больше возможностей, когда ты будешь трахать мой рот.

Выражение лица Брейди было бесценным. Чувак выглядел, словно одновременно наступили его все его дни рождения и Рождества, или президент позвонил и сказал, что хотел бы поужинать в “Смит & Джонс” завтра вечером. Не колеблясь, Брейди мгновенно вскочил на ноги, одним быстрым движением спустил свои джинсы и боксеры до колен так, что у Гейджа чуть глаза не вывалились от вида его стоящего члена.

Его мужчина был довольно большим.

Небольшое первое представление этим утром под парами душа, ощущение того, как Брейди кончал в его руке на его грудь и пресс, держало Гейджа в состоянии постоянного стояка весь день. Гейдж облизал губы от вида этой налитой головки у своего рта. После самого акта погружения себя глубоко в тело парня, минет был на втором месте списка любимых действий. Ему нравилась сила, бегущая по его венам, когда эта длина утолщалась в пульсировала у него во рту. Он никогда не понимал людей, которые считали это демонстрацией покорности. Как можно, когда ты держишь всю эту силу в своей власти?

Качнувшись ближе, Гейдж раздвинул бедра Брейди и лизнул его тяжелые яйца, оставив влажный след, провел языком, с благоговением уделяя каждому из них одинаковое внимание, ладно, в каком-то роде он был равнодушен к правому. Брейди вцепился побелевшими костяшками в стол, подталкивая свои бедра вперед в бесстыдной мольбе.

— Ох, это... *merde*, так хорошо, — с трудом выдохнул Брейди.

Иисус, он снова обслуживал этого любителя каджунских словечек. Ленивый южный протяжный акцент отозвался в члене Гейджа, упирившемся в молнию, и он с трудом удержался от поиска удовлетворения. Он облизал нижнюю часть члена Брейди, затем покругил по его налившейся головке, проводя языком по щели. Ммм, соленый мускус его предсемени на вкус был намного лучше очень богатого воображения Гейджа. Брейди дернулся, бормоча “*нет, боже, пожалуйста, нет*”, его словарный запас беднел с каждым облизыванием.

Гейдж прервался, чтобы выдать инструкции:

— Схвати меня за волосы, Брейди. Трахни мой рот. Дай мне это так жестко, как тебе нужно.

Сколько Гейдж будет жить, столько будет помнить взгляд полуприкрытых глаз Брейди. Это было тем, что нужно этому помешанному на контроле фрику — выданное разрешение перевернуло его разум, словно опьянение от сильных наркотиков или лучшего минета на Среднем Западе. Две секунды спустя его рука запуталась в волосах Гейджа, сжав те в кулаке. Еще один тлеющий взгляд, ищущий подтверждения того, что Гейджу это действительно нравится.

Гейдж кивнул. “*Все, что пожелаешь*”, и приоткрыл рот, ожидая действий Брейди. Наконец — наконец-то! — он толкнулся своим толстым, восхитительным членом внутрь.

Гейдж с удовольствием открыл рот, встречая вздувшуюся головку жадным сосанием. Недостаточно. Ему нужно было почувствовать, как она проходит в его горло, крадет дыхание. Жадно, он принимал все: каждый невероятный дюйм за дюймом, каждый громкий

стон, вырывающийся из горла Брейди и поощряющий сосать сильнее.

Брейди сжал голову Гейджа и начал нерешительно толкаться, словно переживал о том, чтобы не навредить Гейджу. Преисполненный решимости заставить Брейди позабыть о беспокойстве, Гейдж ухватился за стальные мышцы его задницы и толкнул его глубже. *“Дай мне это жестче, малыш”*. Мышцы, находящиеся в его руках, сжались, из-за всей этой силы в его власти голова Гейджа закружилась от желанья. А затем он скользнул пальцем ниже по заднице Брейди и прижал ко входу — еще одна причина, по которой он хотел, чтобы Брейди встал. Этого движения было достаточно, чтобы бедра Брейди ритмично задвигались, а его член, казалось, вырос еще на пару дюймов во рту Гейджа.

Превосходно.

Даже когда толчки стали сильнее, Гейджу нравился каждый дюйм этого члена. Еще немного давления на вход Брейди и, да, палец Гейджа скользнул внутрь, чем вызвал громкий стон из горла своего парня. На одну фалангу, потом повернул и должно быть нашел сладкое местечко, потому Брейди резко дернул его за волосы.

Гейдж едва не кончил себе в штаны.

— Гейдж я не... не могу сдержаться, — Брейди попытался отодвинуться, но Гейдж удержал их обоих. Ради этого прекрасного члена, наполняющего его рот, и горячей задницы, сжимающейся вокруг пальца. Ради этого чувства единения, которого он никогда не испытывал с другим мужчиной.

Еще два рывка и Брейди взорвался, горячие струи достигли задней стенки горла Гейджа. Так много, словно он приберег их, а не заклеил уже ими тело Гейджа в душе этим утром. Сглотнув последнюю каплю, Гейдж с хлопком выпустил член и лизнул чувствительную головку — немного порочно, но не важно — чтобы услышать этот стон удовольствия-боли и почувствовать, как мышцы снова сократились вокруг его пальца. Насколько хорошо они будут ощущаться, обхватывая его член, как тиски?

Брейди отстранил голову Гейджа назад и провел большим пальцем по его губам.

— *Ta bouche*, Гейдж. Твой рот. Гребаное чудо, — нежность смягчила его резкие черты, пока он на несколько бесценных секунд удерживал взгляд полуприкрытых глаз Гейджа. — Вставай, чтобы я смог дотронуться до нужной части тебя.

Гейдж поднялся, расстегнул молнию и освободил свой ноющий член.

Еще до того, как Брейди сжал его, Гейдж знал, что все будет по-другому. Одна рука должна бы ощущаться также, как любая другая, взрыв удовольствия должен быть знакомым. Он довольно постоянно трахался с тех пор, как ему исполнилось четырнадцать, так что не осталось никаких сюрпризов. Но это был Брейди, а с этим мужчиной ничего никогда не получалось так, как ожидал Гейдж.

Секс, но больше.

Больше, но что еще мог дать Гейдж?

Он почувствовал будто в его груди открывается затвор и чистые, раскаленные добела эмоции заполняют все. Он хотел закрыться, сохранить это. Сохранить себя. Потому что в противном случае, он отдаст Брейди все, включая и то дерьмо, которое происходило в его жизни, а это пугало Гейджа до полусмерти.

Он закрыл глаза, чтобы смягчить кристальные углы этого нового знания. Его настигло крышесносное удовольствие, за веками мелькали звездочки, когда Брейди довел его до края и толкнул с обрыва. Оргазм был стремительным. Возможно, в другие разы оргазмы ощущались более резкими и приятными, но они всегда ощущались, как достижение цели.

Логическое завершение ночи танцев, флирта и секса.

Почему этот ощущался, как начало чего-то необычного?

После того, как последняя капля спермы покинула его тело, и Гейдж сомневался, сможет ли когда-нибудь снова найти резервы для еще одного оргазма, Брейди мягко поцеловал его и прошептал:

— Дзинь-дон.

— Дзинь-дон? — его голос был хриплым, ощутимые последствия нахождения этого толстого члена в горле.

Красивый рот Брейди растянулся в широкой улыбке.

— Ангел получил свои крылья, Золотце. На самом деле, два этих маленьких засранца получили.

Гейдж запрокинул голову и рассмеялся. Его Шеф был смешным придурком.

Он хотел удержать это чувство, не только удовольствие, но и откровение его правильности.

— Я остаюсь у тебя сегодня, Брейди. — Может, каждую ночь. — Ты не против?

Брейди глянул на него тем взглядом, который обычно означал отрицательный ответ, готовый сорваться с кончика языка, пока он думал, как лучше его сформулировать. Но следующие слова были совсем не теми, что ожидал Гейдж.

— На одном условии.

— Назови его.

Брейди бросил взгляд на стол.

— Вон там тарелки, которые нужно помыть, Симпсон.

Гейдж приготовил убийственный жареный сыр, сделал этому парню невероятный минет, и сейчас его отправили мыть посуду? Любой другой мог назвать такую математику нечестной, в лучшем случае. Волна в груди Гейджа поднялась до триумфальной радости, затопившей его затуманенный от оргазма разум.

Ага. Абсолютно жульнической.

— По рукам.

***

Брейди не мог уснуть. Нет, это было не совсем правдой. Он мог. Хотел. Но боролся со сном, потому что иначе вернулись бы его демоны. Если бы ублюдки довольствовались только нахождением в его голове, все было бы в порядке, но они любили приносить неприятности.

Большую часть ночей он резко просыпался, закрутившийся в простыни, иногда сбивая на пол лампу. Он пробовал снотворное, медитацию, готовку до тех пор, пока веки не становились каменно тяжелыми. Ничто не помогало ему спокойно проспать всю ночь.

Сны обычно были одинаковыми с небольшими вариациями. Бородатые фигуры, прижимающие его вниз. Запах горячей кожи. Сильный привкус меди во рту. Иногда его будили вопли сержанта Хейнса. Иногда самого Брейди.

Он посмотрел вниз на толстое предплечье, обвивающее его талию. В темноте он не мог рассмотреть золотистые волосы на руке Гейджа, но знал, что они были там. Он помнил

каждый сантиметр его кожи, записал все воспоминания на жесткий диск в своей памяти на будущее, когда Гейдж уйдет.

— Тебя беспокоит плечо? — спросил хриплый голос около уха.

— Немного, — соврал он, ложась на спину.

Гейдж скользнул рукой по груди Брейди, проведя по его шрамам, словно те ничего не значили. Что было правдой. Отметки на его теле были последним, о чем он беспокоился, особенно после того, как Хейнс не выбрался живым.

Мозолистые кончики пальцев задержались на неровных шрамах.

— Я читал в интернете о том, что случилось с твоей командой. “Причесанную” версию.

Во время последних выборов мэра Чикаго, три с половиной года назад, захват и последующий отважный побег из Афганской тюрьмы были перекроены и использованы как топливо в предвыборной кампании Эли, имена остальных членов команды шли списком в заметках. Не то, чтобы Брейди возражал против задвигания на задний план. Эли был настоящим героем дня, а ничто так не разжигало огонь в сердцах избирателей, как истории об отчаянной храбрости кандидата в военное время.

— Старая история.

Ответом было долгое “хмммм” от Гейджа. *Понимай: время покончить с этим.*

Брейди погладил пальцами щетину на лице Гейджа.

— У тебя была сумасшедшая мамаша и ты потерял отца и брата при исполнении служебных обязанностей. Я знаю, что каждый день ты видишь такое дерьмо на работе, которое должно заставить тебя задаться вопросом, имеет ли человечество право на существование, но ты самый веселый, черт побери, человек, которого я знаю. Неужели ничто не выбивает тебя из колеи?

Гейдж усмехнулся.

— Много чего, например, ты играющий в труднодоступного парня. Это действительно бесит меня.

— Я не играл, — просто эти отношения не имели смысла.

Гейдж раздраженно фыркнул, словно точно знал, как Брейди закончил это предложение в уме.

— Я весел, потому что иначе везде буду видеть препятствия и ожидать, что люди причинят боль. Я выбрал жить полной жизнью. Я выбрал говорить “привет” горячим парням, “пошли вы” завистникам, говорить любовникам, как я хочу их, и людям, как все должно быть. А сейчас, почему бы тебе не сказать мне, почему ты на самом деле не можешь уснуть.

У парня уже был внешний вид, очарование и член, который Брейди хотел сосать, как вечный твердый леденец. Неужели ему еще нужно быть таким до чертиков уравновешенным?

Брейди не мог молчать. Годами он не рассказывал о своей боли, целая жизнь умалчивания. Когда Гейдж спросил, может ли он остаться на ночь, Брейди мог бы сказать нет. Но с этим мужчиной он хотел попытаться.

— Иногда у меня кошмары. Довольно буйные.

Гейдж поднял одну бровь.

— Спящий боец, да?

— Я могу стать... беспокойным, — все это было уже довольно беспокойным, но мысль о том, что он мог навредить Гейджу, пока спит, причиняла Брейди физическую боль. Вина

за то, как он подвел свою команду, была его постоянным спутником; он абсолютно точно не хотел, чтобы Гейдж попал под горячую руку. — Не хочу причинить тебе боль.

— Тогда не причиняй. Или если решишь, то подожди, пока мы не оплатим визит в большой магазин секс-игрушек и не выясним, какой флоггер нравится нам обоим, — сверкнув широкой улыбкой, он обхватил член Брейди у основания. — А пока давай посмотрим, смогу ли я придумать другой способ, как тебя расслабить.

Гейдж улыбнулся Анни, медсестре, которая всегда встречала его в “Хиллвью”. Обычно он регистрировался у нее после каждого визита, но сегодня она поманила его прежде, чем он направился в комнату активного отдыха.

— Она спрашивала о тебе. О Гейдже.

Сердце Гейджа резко ударилось о ребра. Он раскрыл персоналу свою настоящую личность, когда в первый раз пришел сюда, но попросил их не рассказывать об этом Эммалин, объяснив, что их отношения были довольно напряженными и он не хотел бы расстраивать ее.

— Кто-то ей рассказал?

Анни покачала головой.

— Иногда у нее случаются моменты прояснения, периоды, когда туман рассеивается и в образовавшийся пробел устремляется прошлое. Может быть, твои приходы сюда что-то вызвали. Она, может, и не связала все полностью, но, что бы ни случилось, это был первый раз, когда мы слышали от нее твое имя.

Медсестра одарила Гейджа непонятым взглядом, и только тогда он понял, что отступает назад, словно собираясь сбежать. Пожарный Гейдж Симпсон, не боявшийся никого и ничего, струсил.

— Мое детство было не самым счастливым, — выдал он в качестве объяснения. После того, как Эммалин отказалась от антигейской ванной и другого отвратительного “терапевтического веселья”, потому что сбежала, чтобы присоединиться к какому-то культу в Нью-Мехико, все стало налаживаться. Или *начало* налаживаться. Ему потребовалось некоторое время, чтобы разработать стратегию выживания и заблокировать насмешки “Юродивый Гей”^[24] от других детей в доме. А затем его выбрали, как одного из тех трехглазых инопланетян, скандирующих “Клааау!” в “Истории игрушек”^[25]. Шон и Мэри Дэмпси сжали его в крепких ирландских объятьях и каждый день уверяли, что он чего-то стоил, и не важно, что его член указывал на мальчиков.

— При таком положении дел, — сказала Анни, явно ощущая его колебание при встрече с этой новостью, — ухудшение может наступить очень быстро, и у тебя больше может не быть шанса помириться.

Разве не этого он ждал? Возможность закрыть и отправить эту болезненную главу своей жизни на покой?

— Она там же, где и всегда?

Анни утвердительно улыбнулась, сжала его руку и пошла по своим делам.

Не готовый сейчас иметь с этим дело, Гейдж вышел через главный вход, сражаясь за контроль над водоворотом эмоций, бурлящим в нем.

Его мать умирала.

Социальная работница, встретившая его перед первым визитом, объяснила Гейджу, что она может умереть от чего угодно, в любой момент: пневмония, сердечный приступ, только ее ослабленное тело решает, каким будет жалкий конец. Гейдж отправил это в коробку вещей, которые он изучит позже, и сейчас ему надо было открыть ее и разобрать содержимое, особенно если воспоминания его матери возвращались.

Что если она начнет кричать, когда увидит его? Или запоет стихи из Библии и назовет

его грязным маленьким содомитом? Или хуже, если он сорвется и накричит в ответ? Но она спрашивала о нем. Спросила бы она о нем, если бы до сих пор хранила в себе ненависть? Сентябрьский воздух был все еще теплым, но температура тела Гейджа снижалась, его кожа стала липкой. В его груди появилась хорошо знакомая напряженность, которая становилась все тяжелее.

Паническая атака.

Он должен был перерасти это. В детстве определенные вещи вызывали затрудненное дыхание и постепенно застилавшую глаза темноту темноту. Запах плавательных бассейнов. Или книги в кожаных переплетах с тонкими, шелковистыми страницами. Когда он переехать жить к Дэмпси, Шон моментально распознавал эти признаки: дыхание Гейджа перехватывало и он становился нехарактерно спокойным. Сильная рука приемного отца, обнимающая Гейджа за угловатые плечи десятилетки, и грубый, но в то же время мягкий, чикагский акцент, говорящий успокаивающие слова на ухо, отдергивали Гейджа от края.

Но Шон уже восемь лет как умер, при этом спас три жизни из горящей высотки. После того, как столько раз спасал жизнь Гейджа.

Дрожащей рукой он достал свой телефон. Если позвонить Алекс или Люку, чтобы обрести так необходимый ему якорь, они тут же поймут что что-то случилось. Ему придется выслушивать их нотации о сделанном выборе, мире боли, который он по собственной воле навлек на себя. Бэк или Уай будут получше, но результат будет тот же. Они выслушают его, а затем скажут: *“Ты же знаешь, что я расскажу остальным”*, потому что кодекс Дэмпси всегда гласил: *“Один за всех, все в курсе всего”*.

Но еще до того, как вытащить телефон, Гейдж знал, с кем хотел поговорить. С единственным человеком, который не будет судить его за то, что он не на сто процентов в себе.

Он пролистал список контактов и нажал на вызов до того, как передумает.

— Да?

Грубый голос прокатился по крови Гейджа как реактивное топливо.

— Просто проверяю пациента, — ответил Гейдж, пытаясь говорить медленней, чем обычно. Его голос звучал так, словно исходил от кого-то, стоящего в двух шагах справа от него. *Звон-шипение-бряк*. Шум на заднем фоне по ту сторону линии заставил Гейджа сосредоточиться на чем-то не связанном с тем, что его мать могла внезапно вспомнить сына-гея, которого презирала.

— Ты в ресторане, Брейди?

— Заглянул посмотреть, нужно ли Хавьеру что-нибудь.

Гейдж услышал приглушенное *“Hola, Гейдж”*, за чем последовало *“sálvame”*. *Спаси меня*. Брейди парировал ласковым *“заткнись, блядь!”*. Так чертовски мило. Брейди и его сушеф были близки, факт, который заставил бы Гейджа ревновать, если бы наклонности Хавьеры не были такими же прямыми, как шест, на котором танцевала его девушка.

— Ради всего святого, Брейди, ты знаешь, что не должен работать в твоём состоянии, — сказал Гейдж, охватившее его желание защитить этого мужчину частично разбило ком, застрявший в груди.

— Ты за этим позвонил? Поиграть в медсестричку? — но улыбка в голосе Брейди подсказала Гейджу, что тому понравилось его беспокойство. Что-то настолько незначительное, но это было все, что ему требовалось на данный момент. Гейдж почувствовал, как его суставы расслабляются, температура крови понижается, легкие

расширяются, чтобы сделать глубокий вдох.

Возвращение к непотопляемому самому себе.

— Просто хотел узнать, как у тебя дела, — *“и прямо сейчас твой голос — единственное, что останавливает меня от разрушения на миллион осколков”*.

— Ты звучишь как-то по-другому. Все в порядке?

— Обалденно, — ответил Гейдж и добавил: — Не могу дождаться, когда снова попробую тебя, Шеф.

Ответом ему было хрипкое “Гейдж”, и звуки насмешек работников на заднем фоне: должно быть Брейди покраснел. Или обзавелся заметной эрекцией.

В любом случае, Операция Отвлечение внимания прошла успешно!

Три минуты спустя Гейдж зашел в комнату активного отдыха и увидел ее в своем обычном удобном кресле рядом с окном. *“У нее больше нет власти над тобой. Ты сильнее, чем когда-либо. Тебя любят замечательные люди”*.

Гейдж нерешительно приблизился, убедившись, что немного шумит, чтобы не напугать ее, когда положил руку на плечо.

— Эммалин, — проговорил он, имя застряло у него в горле, как подливка с комочками. Следующие слова вышли не громче шепота: — Мам, это Гейдж.

Она посмотрела вверх, на лице отразилось узнавание. Эта улыбка, более веселую версию которой он видел в зеркале каждый день, обрадовала его сердце, и он тут же понял. Она снова погрузилась в себя, воспоминания уползли обратно в темные закоулки.

Он упустил свой шанс.

— О, Джон, ты пришел, — она сжала его руку. — Садись и расскажи мне, как прошел твой день.

И он сел и рассказал ей, чувствуя облегчение от данной смертью отсрочки, не готовый к жестокой правде.

И задающийся вопросом, а будет ли он когда-нибудь готов.

***

Сообщение пришло в 2:10 ночи. *“Только что закончил смену в баре. Можно зайти?”*

Сердце — и член — Брейди подпрыгнули. Он написал в ответ: *“Конечно”*.

Может ему следует натянуть футболку и прикрыться? Да, Гейдж уже видел его шрамы, но нет нужды снова тыкать их ему в лицо. С другой стороны, насколько будет неудобно надевать футболку через больное плечо и... Решение было принято за Брейди, его внутренние споры прервало жужжание домофона, звучавшее удивительно похожим на “секс уже у дверей”. Должно быть, Гейдж находился поблизости, когда отправлял смс.

“Посмотрите на меня, улыбаюсь, как придурок”.

Блондинистая голова Гейджа показалась на лестнице и Брейди заметил момент, когда он переключился на жизнерадостную версию себя. Словно лампа.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил Брейди.

Гейдж остановился, держа руки в карманах джинсов.

— Ничего, просто захотелось компании, — этот голос был как всегда сексуален, но было что-то еще. Отголосок усталости, который звучал настолько нехарактерным для него.

Гейдж положил руку на бедра Брейди, одетые в серые спортивные штаны, и уткнулся носом ему в шею. Не поцеловал его, просто вдохнул его запах.

— Не откажешься от небольшой компании?

“*Нееет, я не хочу минет... никто и никогда такого не скажет*”.

Так почему же Брейди не рад этому? Что-то в языке тела Гейджа сбивало его с курса в этой маленькой игре.

Брейди сжал ладонями эту сильную челюсть с однодневной щетиной и провел кончиками пальцев по бьющемуся в основании его горла пульсу.

— Гейдж. Поговори со мной.

— Я в порядке.... Я просто... Я... — улыбка исчезла и мир рухнул, когда Брейди прижали спиной к косяку и Гейдж начал трахать его рот своим языком. Такой голод. Он взвыл в теле Брейди как ураган в пять баллов.

Сквозь бурю пробился шокирующий вопрос: возможно ли, что Гейдж действительно нуждается в нем?

В то короткое время, которое они знали друг друга, все всегда касалось Брейди. *Его* интимных вопросов. *Его* страхов. Гейдж ассоциировался с солнцем, уверенностью в себе и непобедимостью. Но когда он позвонил Брейди сегодня днем, то не звучал, как Гейдж, на котором помешался Брейди.

Он звучал, как человек, ищущий спокойствия. А сейчас ощущался, как человек, настолько сильно нуждающийся в этом единении, что Брейди действительно упивался моментом и это не было связано с предстоящим удовольствием. То, что ему не удалось вытащить свою команду, и свое тело, целыми из пустыни, оставило Брейди без ориентиров. Найти свою страсть в готовке было весьма хорошим шагом, но остальная жизнь оставалась разрушенным беспорядком. То, что Гейдж предлагал ему — и скорее всего даже не осознавал этого — могло заставить его почувствовать себя снова живым.

Мужчина отстранился и вернулся в лофт, затаскивая Гейджа за собой.

— Скажи, что тебе нужно, Гейдж. Я дам тебе все, что угодно.

Взгляд Гейджа снова стал ошарашенным, словно он только что проснулся после столетнего сна. Необузданное желание заострило черты лица.

— Твое плечо. Не хочу причинить тебе боль, — но до того, как гортанные слова повисли в воздухе, оба уже знали, что плечо Брейди не будет препятствием ни для чего этой ночью.

— Не причинишь.

Весь путь до спальни они шли-целовались-прижимались, трение становилось все более возбуждающим, поцелуи более влажными и глубокими. Потребность обостряла желание, удовольствие рождало потребность. В последний момент Гейдж направил Брейди в ванную.

— На раковину, — с трудом выдохнул он между покусыванием губ и сосанием языка. — Лучший баланс.

— Секундочку, — еще не оправившись от знания, что он, наконец-то, может что-то дать этому мужчине, который уже дал ему так много, Брейди выдвинул ящик и схватил все необходимое, чтобы это вечеринка началась: презервативы и лубрикант.

Гейдж улыбнулся своим греховным ртом, на мгновение вернув себе хорошее настроение.

— Сначала купи мне ужин, Шеф.

— Учитывая, что именно я собираюсь ощутить этот великолепный член в *своей*

заднице, я бы сказал, ужин за тобой.

Брейди накрыл своим ртом разинутый рот Гейджа в жаждающем и настойчивом порыве. Он стащил футболку Гейджа раньше, чем тот пришел в себя и отбросил ее. Брейди покрыл идеальное тело Гейджа, его поцелованную солнцем кожу нежными поцелуями, понимая, что ему понадобится время, чтобы ее исследовать. Но прямо сейчас это было не тем, что нужно Гейджу, Брейди отстранился, стащил свои спортивные штаны и оперся здоровой рукой на шкафчик под раковиной.

— Трахни меня, Гейдж.

Прошло пару секунд, превратившихся в болезненные тридцать, а затем и в мучительную минуту. Грудь Брейди сдавил страх, он не смел взглянуть на отражение Гейджа. Может он переоценил его интерес. Может Гейдж считал, что взять Брейди напротив этого зеркала, означало увидеть все его шрамы.

— Как давно это было? — пробормотал Гейдж.

— Давно, — Брейди сделал глубокий вдох, отразившийся в каждой клеточке тела. — Действительно давно. Так что... *ах!*

Мягкие губы крепко прижались к заднице Брейди.

Гейдж упал на колени. Неожиданно. Теперь он одаривал Брейди горячими поцелуями, словно преклонялся, при этом облизывая по центру, порочно близко к его входу. С тех пор, как Брейди позволял кому-либо быть так близко, так нежно к себе в интимном плане, прошла вечность. Задолго до того, как его изуродовало в пустыне и тело больше не ощущалось как принадлежащее ему. Но даже тогда это никогда не ощущалось так, как сейчас.

Словно он мог умереть, если это продолжится, и хотел умереть, если это закончится.

Широко открыв его, Гейдж двинулся своим языком ниже, чтобы коснуться всех чувствительных мест, до которых мог дотянуться этим гладким оружием, дарящим удовольствие. Дразнящие удары по яйцам, облизывание промежности, а затем — *о, Боже* — он уткнулся в Брейди и проник языком внутрь.

Брейди выгнул спину от кристально четкого осознания этого первого контакта. Влажно. Горячо. Идеальное ощущение. Единственное, что могло бы сделать все еще лучше, если бы он мог видеть то, что делает Гейдж. Он дернул бедрами и Гейдж немедленно понял его и развернул Брейди боком, чтобы у того был превосходный вид на то, как Гейдж основательно наслаждается им. Сильные руки, разводящие половинки его задницы, горячий язык Гейджа внутри его тела, он угощался Брейди так, словно его задница была последней трапезой. Ощущения, пронзительные и одновременно разрозненные, взрывались в каждом нервном окончании.

— *Mais*, — прорычал он. — *Mon Dieu*, пожалуйста...

Гейдж остановился, чтобы взять лубрикант и пробормотать заплетающимся языком.

— Я позабочусь о тебе, Брейди.

Брейди знал, что так и будет. Он верил, что этот мужчина с улыбкой на миллион баксов и сияющими голубыми глазами будет обращаться с ним с заботой и в то время даст ему все необходимое жестко.

Неизвестность того, когда Гейдж раскроет его снова, сожмет, скользнет пальцем, едва не убивала Брейди. Каждая проходящая секунда была пыткой, каждая частичка Брейди умоляла о завершении.

“Коснись меня... лизни меня... трахни меня”.

“Сейчас”.

Один влажный палец скользнул внутрь, вскоре последовал второй. *Merde...* Он коснулся прямо... о, Боже... прямо там, где это ощущалось чертовски хорошо. Учитывая нетерпеливость Гейджа, когда он только пришел, Брейди был удивлен тем, как медленно и нежно тот подготавливал его, что, учитывая то, как хорошо его язык выполнил роль первопроходца, было не так уж и необходимо.

— Поторопись, Гейдж, пожалуйста...

— Не кончай пока, ладно?

— Тогда не заставляй меня ждать. Ты нужен мне внутри целиком. Каждый гребаный дюйм.

Очередной набор звуков прошелся по дрожащему телу Брейди: треск разрываемой обертки презерватива. Рычание, когда Гейдж раскатал защиту. Гладкое трение, когда он использовал больше смазки, чтобы облегчить проникновение. Вдох, когда его кончик коснулся входа Брейди.

Одно отчаянное, резкое слово:

— Брейди.

Он в зеркале наблюдал за тем, как Гейдж соединил их тела, медленно погружая свой налившийся ствол в задницу Брейди, его дикий взгляд, приоткрывшиеся от удовольствия губы, пока он прокладывал свой путь внутрь. Их общий стон был чертовски прекрасным.

Еще несколько дюймов и Гейдж погрузился глубже. Каждое нервное окончание покалывало от вторжения, чувство наполненности было таким интенсивным, что Брейди опасался, что мог взорваться в болезненном удовольствии.

“Очень по-мужски, Смит”.

— Боже, это... — Брейди понятия не имел, что это было. Ни одно слово не могу адекватно описать ощущения, когда его задницу любили и обладали ею таким образом. Ему нужно было коснуться себя, но его свободная рука на тумбочке была единственным, что удерживало его от падения. Будто прочитав его мысли, Гейдж уже понял это. Он потянулся через Брейди и сжал его член, скользкая от лубриканта рука ослабила жжение внутри и превратила его в медовую сладость.

— Хочу большего, Гейдж. Нужно, чтобы ты... двигался... внутри меня, — слова вырывались рваными выдохами. Гейдж вышел и скользнул снова, медленно, на этот раз глубже, чем Брейди когда-либо считал возможным.

— Твоя задница, Брейди. Такая... — он вышел на пару дюймов... — горячая... — снова направился внутрь со стоном, наружу с шипением... — и идеальная, — одновременно он двигал рукой по члену Брейди, не нарушая ритма толчков и поглаживаний.

— Сильнее, Гейдж. Не останавливайся. — “Никогда не останавливайся”. Их взгляды встретились в зеркале, контраст солнца и луны, гладкости и шрамов, размытый туманом удовольствия. Идеальности этого единения. Бедро Гейджа устремились вперед, он полностью все контролировал, божественно трахая Брейди.

— Видел бы ты мой член, — прохрипел Гейдж. Он замедлился, наслаждаясь видом того, как соединяются их тела, затем сделал серию быстрых, жестких толчков, от которых удовольствие Брейди закрутилось невероятно высоко. — Как хорошо выглядит мое скольжение внутри тебя.

Выглядит хорошо. Ощущается в миллион раз лучше.

Потрясенный этими мощными ощущениями, Брейди едва тут же не взорвался,

расплескивая все на плитку ванной. Никоим образом он не мог выдержать больше, чем десять — точнее, не больше *одной* — секунд. Все происходило так быстро и в любых других обстоятельствах Брейди был бы растерян, но это был лучший секс из всех, что он когда-либо знал, и он отказывался стыдиться настолько великолепных ощущений.

Он покончил со стыдом.

— Я сейчас кончу, Гейдж, — все рациональные мысли покинули его мозг, когда густая, вязкая жидкость рывками покрыла туалетный столик и зеркало в тот момент, когда *его задница просто расплавилась*. Не было другого способа описать ощущение Гейджа, прижимающего его к раковине и сопровождающего свое освобождение, последовавшее за его, рычащими стонами.

Ад и все черти, что может превзойти это?

Пару секунд спустя Гейдж мягко выскользнул, плотно придерживая презерватив, перед тем как выбросить его. Он обнял руками Брейди за талию и прижал его ближе, оставляя мягкие поцелуи благодарности на его шее.

Через несколько минут, отдышавшись, Брейди спросил, до конца не веря, что слова исходят от него.

— Тебе нужно поговорить?

Гейдж прикрыл глаза, выждав долгое мгновение.

— Просто нужен ты. Только ты, — и еще спустя какое-то время, — позволь мне остаться, — отчасти приказ, отчасти мольба.

Брейди знал, что Гейджу, в конечном счете, придется оставить его тело, его лофт, его жизнь, — эта фантазия была подобна лихорадочному сну, от которого Брейди когда-нибудь очнется — но жар настоящего держал холодное будущее в отдалении.

Он кивнул отражению Гейджа, потому что если бы он заговорил, то, наверное, сказал бы что-то глупое, наподобие *“Останься навсегда”*.

Гейдж направлялся на кухню “Смит & Джонс” с четкой целью. Он нанял Хавьера в качестве шпиона, и су-шеф недавно написал, что Брейди прямо сейчас бравирует ножом и нагло полагает, что может сегодня работать на смене. Гейдж заявился, чтобы сыграть роль инфорсера^[26].

Как обычно в шесть часов вечера, место было забито толстосумами профессионалами вперемешку с парнями с причудливо подстриженной растительностью на лице и желающей выставить себя на показ толпой. До того как Гейдж дошел до места назначения, кто-то окликнул его по имени.

Он развернулся и тотчас же заметил эффектный выделяющийся костюм и еще более эффектный взгляд голубых глаз. “Ну, привет, Ваше Сексуальное Величество”. Эли Купер, правящий король Чикаго, сидел в кабинке с iPad, пачкой документов и низким стаканом чего-то, что выглядело как скотч. Гейдж подошел к нему, закончив свою короткую прогулку насмешливым поклоном.

— Мистер мэр. Выглядите сексуальней, чем обычно.

Эли вздохнул.

— Уймись, Симпсон, и сядь.

Факт: флирт заложен в ДНК Гейджа. Связанный с этим факт: Эли был очень подходящим объектом для этого. Темноволосый, носящий подтяжки и отлично сложенный метросексуал с линий подбородка, которой можно резать консервные банки. Гейдж скользнул в кабинку, взял скотч мэра и сделал глоток.

Эли закатил глаза, словно это было обычным делом для них и Гейдж рассмеялся. Ему даже не нравится скотч.

— Как там Александра? — спросил мэр. — Уничтожила за последнее время еще какие-нибудь роскошные авто?

Ин-те-ресно. Кинси упоминала, что между Эли и Алекс летали такие искры, что это могло бы превратить мэрию в адское пекло. Похоже, за этим дымом скрывалось достаточно огня.

— Она в поисках очередной жертвы. Какую машину ты водишь?

— Нечто ужасно дорогое и покрытое броней. Хотя сомневаюсь, что это остановит такую угрозу, какой является твоя сестра, — все следы смеха испарились, когда он посмотрел на Гейджа своими опасными светло-голубыми голубыми глазами. — Итак, расскажи мне, как ты собираешься не просрать все с Брейди на этот раз.

От возмущения голос Гейджа был больше похож на рычание.

— Можно подумать, что в том, как все пошло по наклонной в прошлый раз, нет вины твоего приятеля, который всего самую чуточку невыносим?

— Он очень упрямый, — признал Эли.

— Говори, как есть.

— Заноза в заднице.

— *Королевская заноза в заднице.*

Эли усмехнулся и Гейдж ответил тем же. Парень был засранцем, но Гейдж полагал, что, чтобы управлять Чикаго, именно таким и нужно быть.

— На самом деле все хорошо.

— Он нормально спит?

Нет. Брейди спал не очень хорошо, по крайней мере, когда Гейдж был рядом. Обнимая руками все эти жесткие мышцы, Гейдж годами не спал лучше, но каждый раз, когда он просыпался, тело Брейди было напряженным, в состоянии повышенной готовности. Словно он снова был в ночном дозоре на службе в морпехах.

Гейдж подозревал, что знал ответ, если честно, он не был уверен, что сможет справиться с ответом, но в любом случае спросил:

— Почему он плохо спит?

Улыбка Эли исчезла.

— Что ты знаешь о том, что произошло в Афганистане?

— Только то, что прочитал он-лайн за время твоих последних выборов, — да, это смущало. Все, что Гейдж знал о проблемах Брейди, были короткие новостные заметки, выпущенные во время первой избирательной кампании Эли. Эли, Брейди и два других пехотинца были захвачены и их пытали целую неделю, прежде чем они спаслись. Одному из команды это не удалось.

Эли Купер превратил историю в преимущество для своей политической карьеры. Брейди превратил ее в оправдание, чтобы держать всех, включая Гейджа, на расстоянии.

Мэр сделал выдох, который сдерживал несколько напряженных мгновений. Выражение его лица стало жестким, редкий момент приподнятого занавеса, подобного которому он никогда не рисковал показать на публике.

— Эти алькаидовские ублюдки основательно поработали над ним, Гейдж. Это было ужасно для всех нас, но он был нашим командиром и они вытворяли с ним такое дерьмо, о котором он до сих пор не хочет говорить. Резали его на ленточки, обливали кислотой тело, оставляя шрамы снаружи и внутри.

Сердце Гейджа остановилось, когда он слушал признания Эли о дерьме, которое он никогда не мог даже представить, и Гейдж не знал, хочет ли, чтобы то снова забилося. Он получил свою не заслуженную долю издевательств, когда был ребенком со своей сумасшедшей мамашей, но он стал сильнее. Благодаря помощи Шона Дэмпси. С любовью своей семьи. И если когда-нибудь и просыпался, чувствуя себя так, словно на груди сидел слон, он делал пару глубоких вдохов и избавлялся от этого к чертовой матери.

— Ты там в порядке? — Эли подтолкнул свой скотч ближе к Гейджу.

Нет, не в порядке. Детали были достаточно ужасными, но сейчас он чувствовал себя частью какого-то большого плана, приведенного в движение Эли Купером.

— А что, как ты думаешь, должно было случиться, Купер? Один хороший трах и Брейди внезапно станет нормальным? Это так не работает.

Брови Эли сошлись вместе, когда он посмотрел в сторону кухни и обратно на Гейджа.

— Я хорошо разбираюсь в людях, и тем вечером, когда я представил тебя Брейди, то увидел что-то в тебе. Это твое поведение в стиле улыбайся-и-трахай-все-что-движется довольно милое, но мне показалось, что в этом есть нечто большее.

Гейдж вздохнул.

— Ты познакомил нас, потому что, как и все гетеросексуалы, считал, что каждый гей хочет трахнуть любого другого гея.

— Избавь меня от своего праведного негодования. Я думал, ты можешь подойти ему, и тот факт, что ты до сих пор не сдался, о чем-то да говорит.

“Познакомьтесь с Гейджем Симпсоном, покровителем потерянных людей”.

— Итак. почему?

— Почему что?

Эли оценивающе посмотрел на него серьезным взглядом.

— Почему ты не сдался?

Хороший вопрос. Он мог получить отличный секс в любом месте. То, что в его руках был пятизвездочный шеф, являлось плюсом, однако, на самом деле, сейчас готовил в основном Гейдж, поэтому да, бесполезным плюсом. Он мог свалить все на неспособность сдать, потому что был любителем все починить и оптимистом до мозга костей. Всегда был. Но ему хотелось бы знать, кого именно тут надо чинить.

Неделю назад, Брейди ответил на звонок, когда Гейджу нужно было услышать дружеский голос. В ту же ночь, он предложил свое тело Гейджу, чтобы излить в него свою боль. Брейди едва разговаривал, смеялся или выдавливал улыбку и все же его руки были созданы для того, чтобы крепко держать Гейджа.

— Люди привыкли ожидать от меня определенного поведения, — даже его собственная семья. Гейдж — шутник, душа компании, парень, который трахает все, что движется. — А он — нет. Мне нравится это. Мне нравится он.

Мэр откинулся на спинку дивана и уставился на Гейджа, словно тот был одним из журналистов, которые вечно задавали ему эти тупые как пробка вопросы на пресс-конференциях.

— Что ж, это неожиданно.

Что именно? Что Гейджу мог нравится Брейди, что он мог заботиться о нем? Могла ли это на самом деле быть... *да вы, должно быть, шутите*. Затылок Гейджа начало покалывать и по коже, словно сыпь, побежали мурашки.

Он покраснел.

Невероятно привлекательная ямочка, которая Гейджу обычно очень нравилась, появилась на щеке Эли.

— Я недооценил тебя, мистер Симпсон. Ты удивил меня, а меня очень трудно удивить. Раз уж, кажется, тебе, эм, *нравится* Брейди...

— Да пошел ты.

— Надеюсь это включает в себя то, что ты приложишь все усилия, чтобы починить его, — продолжил Эли, не запнувшись ни на секунду. — Например, исправить все его дерьмо и дать ему понять, что, когда он упадет, потому что он точно упадет, ты будешь там, где он приземлится.

Гейдж поерзал на стуле, новообретенное откровение о глубине его чувств к Брейди все еще пульсировало в нем. Он хотел все отрицать. Убежать, как тогда неделю назад, когда услышал, что Эммалин, могла вспомнить о том, кем он был и насколько недостоин являться ее сыном.

— Описание моей работы можно трактовать, как “спасение людских жизней” заглавными буквами, мистер мэр, но души сюда не включены.

— Если ты так говоришь, — Эли выдал одну из своих эффектных усмешек, которая заводила всех его избирателей из числа женщин и нетрадиционных меньшинств. На этот раз она не оказала на Гейджа никакого влияния.

Он хотел, чтобы влияла. Хотел вернуться назад, когда ямочки и подмигивания любого горячего парня было достаточно, чтобы зажечь интерес. Неужели теперь ему суждено желать трахнуть только одного человека до конца жизни? Если на это была похожа

влюбленность, то Гейджу придется признать, что он не просто увлечен.

Он влюбился в Брейди Смита.

Когда Гейдж поднялся, Эли взял в руки меню.

— Вижу, шеф уже добавил в меню осенние блюда. Гриль-сыр от Гейджа. Сейчас это звучит *очень* вкусно.

Какого черта, Брейди добавил этот сэндвич в меню и назвал его именем? И вот снова... Румянец, который едва исчез, снова появился с удвоенной силой.

Эли рассмеялся, словно Гейдж только что попал в неловкое положение, получив в лицо бананово-кремовым пирогом.

“Ни в жизни не проголосую за тебя в феврале, урод”.

***

— С таким же успехом ты мог бы вывести меня из кухни за ухо, Мамочка, — бормотал Брейди в спину Гейджа, пока они поднимались по ступенькам в его лофт. — Мне потребовались годы, чтобы завоевать уважение своей команды, а ты уничтожил его в мгновение ока.

Притворная неловкость от того, что Гейдж прошествовал на кухню и настоял на том, чтобы Брейди ушел, к большой радости Хавьера и остальных отпускающих шуточки доминиканцев, была намного проще, чем признание того, что теплая забота Гейджа тронула Брейди до глубины души.

Гейдж развернулся, дойдя до верхней ступеньки лестницы.

— Если этого достаточно, чтобы потерять уважение своих миньонов, то у тебя большие проблемы. К тому же, ты знаешь условие. Пока не снимут повязку, никаких обязанностей по кухне.

— Это не остановило тебя от возложения на меня обязанностей по минуте, — проворчал Брейди.

За последнюю неделю ублюдок почти что переехал; он даже притащил свои собственные простыни (эта нежная кожа не потерпит плетения всего в триста нитей, Брейди!). Такая принцесса. Так как проблемы с плечом сделали Брейди бесполезным на кухне “Смит & Джонс”, он проводил свое утро в ресторане, заполняя документы одной рукой, а после обеда и вечером спал, пока Гейдж был на работе или в баре. Поспать пару часов, пока Гейджа не было рядом, было лучшим способ защитить его, потому что недовольство от того, что он не находился в кровати Брейди, было хуже.

Только дойдя до конца ступенек, Брейди понял, что Гейдж уже зашел внутрь, воспользовавшись ключом, который Брейди ему не давал. Как, черт возьми, это произошло?

Вопрос замер на кончике языка, потому что сюрпризы продолжались. Уже на пороге Брейди пришлось схватиться за косяк здоровой рукой. Шок от открывшегося вида, едва не поставил его на колени. Затемненный лофт был наполнен вкусными ароматами. В центре комнаты стоял накрытый белой скатертью стол с одной красной розой в узкой вазе. Гейдж зажигал свечи и замедленному мозгу Брейди потребовалось несколько секунд, чтобы полностью охватить всю сцену.

Это было свидание.

— Ты готовил?

— Ага. Дарси одолжила мне запасной ключ от твоей квартиры, — Гейдж вернулся к Брейди, который так и не сумел переступить через порог и войти внутрь. — А ты не думай и шагу ступить на эту кухню. У меня все под контролем.

В оцепенении Брейди позволил подвести себя к столу, — откуда вообще взялся этот стол? — и вскоре он уже сидел с бокалом “Мальбека”^[27] и кусочком оливково-розмаринового хлеба из “Red Hen Bread”^[28], в то время как Гейдж возился на кухне. Брейди вытянул шею, чтобы посмотреть, что происходит, но сейчас великолепная задница Гейджа была вне поля зрения (не на сто процентов). Этот мужчина был *здесь*, готовил для него, ухаживал за ним, и Брейди никогда не ощущал такой заботы.

Гейдж вышел из кухни в фартуке с нарисованным мангалом и слоганом “Как только положите мое мясо в рот, сразу захотите проглотить”. Он поставил две тарелки с супом. Морковно-имбирный, догадался Брейди по цвету и аромату.

— Пытаешься соблазнить меня, мистер Симпсон?

— Не пытаюсь, — Гейдж коснулся его щеки и нежно поцеловал. — Полностью преуспел.

В этом и в намного большем.

За ужином, Гейдж имел наглость подать национальное блюдо каджунской кухни, джамбалайя^[29], и еще большую наглость сделать это одним из самых лучших блюд из всех, что Брейди пробовал. Они говорили больше, чем обычно, бокал вина в сочетании с лекарствами не сделал Брейди расслабленным и болтливым. Гейдж рассказывал истории о сумасшедших вызовах на работе, своем приемном отце, Шоне, и детстве у Дэмпси. Брейди говорил о болотах Миссисипи, немного о своих сложных отношениях с семьей, больше о своей любви к кулинарии.

Час спустя Брейди наелся до отвала и поглаживал свой живот.

— Это было изумительно, Гейдж.

— Знаю, — ответил тот с дерзкой улыбкой. — Этот талант такое же проклятие, как и благословение. Никто не может соревноваться со мной в этом в отделении, поэтому я постоянно на кухне, — он пожал плечами, словно стряхивая свою ужасно тяжелую обязанность. — В любом случае, мне нравится присматривать за командой.

Конечно, ему нравилось. Он находился здесь, потому что забота о людях была его второй натурой. Приемная семья, которую он обожал, Джейкоб и его Д-карта, Брейди и его плечо.

Гейдж не просто соблазнил Брейди. Он завоевал его, его сердце и душу.

— Не знаю, куда в тебя все это помещается, — сказал Брейди, когда Гейдж прикончил третью порцию джамбалайя.

— Полагаю, мне следует пользоваться преимуществами своего ускоренного метаболизма. Как только мне исполнится тридцать, мое тело превратится в желе.

— Как мое? — поддразнил Брейди, зная, что несмотря на то, что он пробовал каждое блюдо, готовящееся на кухне, он был в довольно хорошей форме.

— Ага, потому что ты такой толстячок. Просто предупреждаю, что тебе лучше любить меня сейчас, пока я горяч.

— Ладно.

— Ладно что?

— Я буду любить тебя, пока ты горяч.

Глаза Гейджа расширились до размера тарелок, стоящих на столе. *Черт, Смит, слишком много, слишком быстро*. Или просто слишком много. Забавный, сексуальный, любящий хорошо проводить время Гейдж не искал ничего серьезного, но, черт возьми, если Брейди когда-либо был более уверенным в том, чего хотел. Просыпаться и видеть солнечную улыбку этого мужчины, экономить воду, принимая душ вместе, красть поцелуи, когда они вместе готовят. Он хотел Гейджа Симпсона, можно сказать он уже почти влюбился в парня в ту же минуту, когда тот важно зашел на кухню его ресторана.

Эти сияющие голубые глаза продолжали смотреть через стол, требуя от Брейди объяснений. Зайти дальше или отступить.

— Как только ты потеряешь форму, Гейдж, мое обожание тебя испарится.

Гейдж рассмеялся. Смех разочарования? Облегчения? Кем-ты-себя-черт-побери-возомнил смех?

“Нет, Золотце, я только что не сказал, что люблю тебя... хотя, наверное сказал”.

Проехали. Брейди прочистил горло, прогоняя прочь комок идиотизма.

— Итак, что на десерт? Ты, покрытый взбитыми сливками, я полагаю.

— Должно быть, прошла вечность с тех пор, как тебя соблазняли. Взбитые сливки это *свяаяая* древность. В наше время лучшие соблазнительницы используют заварной крем.

— Прости мое невежество.

Гейдж встал, снял фартук и протянул руку.

— Хорошая попытка, потому что ты смотришь на десерт. Только ты можешь заполучить его любым способом, каким захочешь.

Слава Богу! Брейди запнулся на мгновение, посылая молитву в благодарность, а затем потянулся к Гейджу, и все, о чем он мог думать, было: *мой горячий парень держит меня за руку*.

Гейдж делал кучу намного более непристойных вещей с Брейди, но прямо сейчас, именно этот жест заставил сердце Брейди биться настолько сильно, что оно едва не выскакивало из груди. Это был Гейдж, мужчина, который заставлял Брейди ощущать себя всемогущим, да, ничто никогда не чувствовалось настолько правильным.

Гейдж повел его по коридору к спальне. Когда они дошли до двери, глаза Брейди едва не выскочили из орбит, святое дерьмо. Спальню освещало огромное количество свечей.

— Когда ты сделал это? — Что следовало понимать как: *“Как долго мы сидели там, рискуя тем, что весь лофт вспыхнет, как горящий шар, вокруг них?”*

Гейдж одарил его нахальной, неудержимо усмешкой.

— Я зажег их, пока ты звонил и проверял Хавьера, мистер Контролирующий Фрик. Не волнуйся, огонь — моя работа. И не то, чтобы у тебя тут была какая-то мебель, которая могла бы загореться.

Обстановка, на самом деле, была немного спартанской. Но ему не оставили времени задуматься о катастрофе, которой не произошло, потому что Гейдж снял его повязку и потянул за край футболки.

— Думаю, самое время хорошенько меня оттрахать, Брейди.

Когда он услышал предложение Гейджа, глаза Брейди потемнели от желания. Воспользовавшись моментом, Гейдж шагнул вперед и поцеловал его, медленно и горячо. Брейди издал одобрителный стон, когда Гейдж собственническими движениями языка проник в рай, который представлял собой рот Брейди. Он ощущался безумно хорошо, весь этот мужчина. Его мужчина.

Секс для Гейджа всегда был чем-то сиюминутным. С кем он хотел уйти сейчас, кто мог заинтересовать достаточно, чтобы заслужить повторное представление. Он провел достаточный самоанализ, чтобы признать, что использует секс, чтобы смягчить временные периоды боли и грусти в своей жизни. Секс был хорош и через какое-то время хорошо становилось и Гейджу.

Но с тех пор, как встретил Брейди, Гейдж больше не смотрел на других парней с интимными намерениями (флирт с Эли Купером не считается). Он мог обманывать себя, полагая, что сопротивление Брейди делало охоту слаще, а оргазмы достойной наградой. Но дело было не только в этом. Может, все и началось как вызов, а затем обернулось столь необходимым отвлечением от беспокойства о своей матери, но сейчас все стало настолько острым, что Гейдж не мог представить, как оправится от этого. Тяжело доставшаяся близость с Брейди была в миллион раз лучше, чем его предыдущие трах-бах отношения.

Он хотел, чтобы все стало еще серьезнее.

Они помогли друг другу раздеться, не разговаривая, просто позволяя мгновению захватить их. Гейдж провел рукой по тяжело вздымающейся широкой скульптурной, татуированной груди. Он хотел успокоить Брейди, приручить его к своим прикосновениям, потому что то, что произойдет, будет самым интимным моментом из всех, что они разделили. Он проскользнул пальцами по шрамам Брейди, неровной поверхности, вмещающей тысячи страданий.

Брейди втянул воздух.

— Знаешь, насколько ты сексуален для меня, Брейди? Как каждая улыбка и смех, который я получаю от тебя, ощущается лучше, чем любой оргазм, который ты мог бы мне подарить?

Глаза Брейди потемнели.

— Иногда я не могу поверить, что ты здесь.

— Поверь, Брейди. Я не собираюсь никуда уходить.

Уложив Брейди на кровать, Гейдж лег рядом с ним. А затем использовал свои руки и губы, чтобы поклониться этому телу героя. Он пососал соски, уделил внимание рельефным боевым шрамам, завоеывая доверие с каждым движением своих губ.

Гейдж протянул руку Брейди, чтобы тот ее облизал, что Брейди и сделал с порочным стоном, а затем начал гладить его выступающий член. Брейди толкнулся бедрами в кулак Гейджа.

— Гейдж.... нужен... нужен твой рот.

Не дожидаясь ответа, Брейди захватил губы Гейджа своими, грубо, собственнически, требовательно. Гейдж продолжил свои жесткие движения, сжимая твердую длину Брейди, обожая силу, которую ощущал от того, что та увеличивалась в его руке.

Гейдж не часто бывал снизу. Иными словами, не делал этого с поры экспериментов в

подростковом возрасте в попытке выяснить, что ему нравилось. Отдаться кому-то вот так предполагало такую глубину связи, в которую он никогда не хотел ввязываться. Сейчас он хотел полного обладания, того, которое предполагает нахождение одного мужчины внутри другого. Он хотел отдать Брейди все и насладиться великолепием Брейди, который получит контроль только ради того, чтобы потерять его лучшим способом из возможных.

Внутри Гейджа.

Он позаботился о защите для Брейди, а затем нежно толкнул его на спину.

— Думаю, будет лучше, если я буду сверху.

— Ты не хочешь... — Брейди запнулся, — быть оттраханным сзади? — От того, как мужчина произнес это, сердце Гейджа замерло.

— Нет. Наравне с каплями дождя на розах и усах котят, вид твоего лица, когда ты кончаешь, Шеф, одно из моих любимых зрелищ.

Это вызвало смех у его парня и Гейдж наклонился вниз, чтобы поцеловать это редкое явление, улыбающийся рот Брейди Смита. *Лучше любого оргазма.* На вкус этот поцелуй был другим. Радостным.

Улыбка испарилась, когда они двинулись дальше. Гейдж открыл смазку и выдавил ее на руку Брейди. Оседлав бедра Брейди, Гейдж разместился так, чтобы обеспечить лучший доступ, и ухватил для равновесия за спинку кровати. В мерцании свечей, глаза Брейди казались такими же темными омутами, когда он провел скользким пальцем по заднице Гейджа, дразня его вход. Это была лучшая часть, момент предвкушения, когда удовольствие было безгранично. Гейдж задрожал от волнения и... *ох, черт*, от первого же прикосновения его бедра дернулись.

— Да, — прошептал он.

Восхитительное ожидание превратилось в восторженную реальность, когда Брейди проникнул внутрь пальцем на одну фалангу. За которым тут же последовал второй. Скольжение, поглаживание, растягивание.

Эти волшебные пальцы. Гейдж знал, что это будет хорошо, но пятизвездочный шеф со всем набором своих навыков,двигающийся внутрь и наружу? Боже, это было удивительно. Брейди раздвинул пальцы, подготавливая Гейджа к большему, к толщине своего члена. Изогнув запястье, Брейди потер его простату и мозг Гейджа начал плавиться.

— Брейди, это так охрененно хорошо.

— Да, — проворчал Брейди. — Ты... ты тугой, — в этой фразе предвосхищение удовольствия смешалось с беспокойством. Толстая эрекция Брейди пульсировала у бедра Гейджа, требуя внимания, предвещая то, что должно случиться. — Гейдж, ты уверен, что хочешь этого? Я могу причинить тебе боль.

— Не можешь, Брейди. — Никто не может. Он выстроил непреодолимую стену вокруг себя и оборонял ее с помощью солнечного чувства юмора и отношением “мне на все плевать”. Но прямо сейчас, Брейди было нужно это. Гейдж мог дать это ему, даже если член Брейди был больше всех, что он видел, и Гейдж затаил дыхание, пока тот подготавливал себе путь внутрь.

Пальцы Брейди выскользнули, он схватил Гейджа за бедра. Гейдж приподнялся и опустил вниз на член Брейди, сначала осторожно, медленно принимая Брейди. Это было не так уж и плохо, просто ощущение давления, с которым он *мог* справиться. Еще один толчок и Брейди легко преодолел кольцо сопротивляющихся мышц, пока не... *ох, дерьмо, как же жжет.* И *близко* не так приятно, как те толстые пальцы. Гейдж приподнялся и

почему-то это было еще хуже, растягивало мышцы перед тем, как он снова скользнул вниз на эту толстую длину.

— Ты в порядке? — спросил Брейди, здоровой рукой вцепившись в бедро Гейджа и останавливая его движения.

— Да, просто... давай сделаем это медленно.

А потом он уже не мог говорить, только двигаться вниз, двигаться вверх, каждый толчок был все глубже. Растяжение было невероятным, ощущение того, что он полностью наполнен, не похожим ни на что остальное из его предыдущего опыта. Его задницу охватила ноющая боль, и Гейдж уповал на тот момент, когда она превратится в удовольствие. *Должно же стать лучше, должно стать приятнее, гребаный ад, должно, и, о, боже*, через секунду так и случилось. Головка члена Брейди задела идеальное место внутри Гейджа и, *да, все изменилось*. Сейчас не было боли, только чувственная перегрузка, которая нашла отклик во всем теле. Обычно он никогда не мог кончить от пальцев внутри себя или без каких-то других движений, но, черт побери, если его тело забыло эту досадную деталь.

Кончить таким образом казалось абсолютно возможным.

Брейди перехватил инициативу и даже с больной рукой, сила, с которой он толкался снизу впечатляла. Гейдж наклонился вперед, сильнее сжав рукой спинку кровати, чтобы открыть прекрасный обзор. Они оба смотрели на то место, где их тела соединялись, захваченные этим напряженным, эротическим скольжением.

Брейди продолжал толкаться, на всю длину, жестко, собственнически, заявляя права на каждый дюйм внутри Гейджа.

— Твоя задница, Гейдж... такая тугая... так хорошо. Охренеть как мне нравится это.

Их взгляды встретились, от экстаза, написанного на лице Брейди, Гейдж еще больше завелся. Но в этом единении взглядов было нечто большее. В нем была чистая интимность того, когда *смотришь* на кого-то и действительно *видишь* его таким какой он есть, и понимаешь, что это именно тот человек, которому ты предназначен.

Приспособившись к ощущению вторжения, Гейдж сжался вокруг толщины, проникающей в него. Стон, вырвавшийся из горла его мужчины, был самым прекрасным звуком из всех, что он когда-либо слышал. Ничто не могло превзойти ощущение мужчины, которого ты любишь, глубоко внутри себя, объединения его тела с твоим с каждым обжигающим проникновением.

Секс с кем-то, кого ты любишь... кто бы, черт возьми, знал?

Гейдж не пропустил оговорки Брейди ранее во время ужина. *“Я буду любить тебя, пока ты горяч”*, за которым последовал панический взгляд *случайно проговорившегося*. Гейдж мог подождать. Он обладал неисчерпаемым запасом терпения.

Но это не относилось к тому, что касалось его удовольствия. Их рты соединились, как предвестники того, что каждая другая их часть нуждалась в единении. Грудь, бедра. Сердца. Учитывая то, что этот мужчина недавно ограничивался в поцелуях, он прошел огромный путь. Это был поцелуй, который Гейдж никогда не забудет, словно Брейди вложил каждую унцию своих обычно сдерживаемых эмоций в Гейджа.

Брейди отстранился.

— Я думаю... *чееееерт*, мне нужно кончить, Гейдж.

— Давай, малыш. Я с тобой.

Брейди дернулся вверх, вздрогнул, и даже с презервативом, Гейдж смог ощутить пульсацию его оргазма, разливающуюся внутри себя. От этого его сердце увеличилось раз в

десять. Да, это было точно то, что надо. Гейдж был целиком в деле.

Только тогда он кончил, покрывая прекрасное тело своего парня горячей спермой.

Выкрик, низкий и пронзительный, разбудил Гейджа. Ему потребовалось пару минут, чтобы понять, что звук исходит от Брейди.

— Нет, — простонал он.

В тусклом свете уличного фонаря, проникающего через окно, были видны капельки пота, стекающих по вискам Брейди.

— Брейди, все хорошо.

Нет ответа, только еще один призыв к тому, кто бы там ни мучал его в Стране Снов, обратиться ко всем чертям.

Гейдж полностью повернулся к Брейди и положил ладонь на его здоровое плечо. Без предупреждения, с безумной силой удара молнии, Брейди рванулся, схватил Гейджа руками за горло и сжал. Его черные глаза распахнулись, но взгляд оставался невидящим, и пока Гейдж инстинктивно вырывался, хватка Брейди рефлекторно становилась сильнее. Пока еще не захват убийцы, но чертовски близко к этому.

— Чего ты хочешь? — рявкнул он голосом, не похожим на Брейди. Даже не похожим на человеческий.

— Это Гейдж.

— Кто?

— Гейдж. Твой парень.

Моргнул один раз, и еще, Брейди убрал руки с горла Гейджа.

— Дерьмо... я... какого черта ты тут делаешь?

Гейдж поборол желание потереть горло там, где его сжимал Брейди.

— У тебя был ночной кошмар.

Брейди провел рукой по лицу, потер потную бровь. Прошло несколько напряженных минут перед тем, как он заговорил:

— Я не собирался засыпать.

Что ж, это все объясняло. Брейди бодрствовал в те ночи, когда Гейдж оставался у него.

— Хочешь поговорить об этом?

— Просто идиотское дерьмо.

— У меня докторская степень по идиотскому дерьму.

Ничего, кроме зияющей тишины, обычная привычка Брейди держаться за каждое слово, словно это какие-то драгоценности. Гейдж тяжело вздохнул.

— Ты с кем-нибудь говорил о том, через что тебе пришлось пройти? Обращался за профессиональной помощью?

— Стандартный отчет после задания.

С тех пор, как его вытащили из того подземелья в Афгане, прошло шесть лет. Гейдж поставил бы все, что имел, на то, что упрямый ублюдок до сих пор не обратился за помощью.

Он наклонился, чтобы включить светильник на тумбочке.

— Я знаю, что ты глаз не смыкаешь, когда я тут. Ты бодрствуешь всю ночь, словно на посту, но сегодня тебе, наконец-то, удалось заснуть, потому что ты полностью вымотался.

Брейди рассердился.

— Я не сплю, потому что есть шанс, что я наврежу тебе. И именно это и произошло, —

он вскочил с кровати, потирая рукой лоб, словно мог стереть ужас от того, что только что случилось.

— Я пожарный, со стальными яйцами, чертовски сильный, сам способен надрать задницу. Ты не можешь навредить мне.

— Я едва не придушил тебя!

Гейдж усмехнулся в ответ, хотя он бы соврал, если бы сказал, что мысль об этом не нервирует его.

— Считай, это прелюдией.

Не смешно, если судить только по выражению лица Брейди. Сейчас он стоял перед Гейджем, обнаженный, испуганный, в татуировках. Великолепный. Злость на самого себя волнами исходила от него.

Что ж, Гейдж тоже мог стать раздраженным.

— Может, тебе следовало бы сказать мне о своих проблемах со сном, и мы смогли бы что-то придумать.

— Я хотел, чтобы ты был здесь. Я лучше никогда больше не усну, чем лишусь твоего присутствия.

Боже, это было так мило, но мило не всегда значит практично, не тогда, когда Брейди страдал.

— Ты можешь поговорить со мной, Брейди. Я не настолько заиклен на себе, как люди думают обо мне.

Что-то вспыхнуло во взгляде Брейди. Нечто горячее и словно говорящее *“нет необходимости разговаривать, милый, потому ты же здесь не за этим, верно?”*, и Гейдж, к своему стыду, почувствовал тепло в груди, вызванное облегчением. Похожее на то, что он ощутил, когда обнаружил, что его мать вернулась к своему сумрачному существованию. Он предложил свое плечо, но когда все зашло дальше, он не был уверен в том, что достаточно силен, чтобы справиться с правдой Брейди. Одно дело было услышать это в пересказе Эли, прочесть сдержанные сводки новостей. Но прямо сейчас Гейдж с удовольствием обошелся бы без того, чтобы окунуться в эмоциональный водоворот с парнем, который представлял собой полный набор осложнений.

Секс — это он мог. Что-то более глубокое было, на самом деле, не его стезей.

Казалось, Брейди почувствовал колебания Гейджа. Брейди потянулся к нему, и Гейдж поступил как трус, коим и являлся. Он накрыл своим ртом рот Брейди и это было хорошо, так охрененно хорошо, и если бы всегда могло быть так, Гейдж рискнул бы миллионом ночей, в которые Брейди мог схватить его за горло.

Но это был компромисс, выбрать легкий путь и похоронить все дерьмо в маленькой коробке. Это был парень, которого Гейдж любил, видит Бог, безумно любил.

Любить кого-то, значило сидеть с ними рядом, даже если они не помнили, как много боли причинили тебе, потому что ты был рожден ими и это что-то должно было значить. Любить кого-то, значило отдать жизнь за своих сводных братьев и ту еще занозу в заднице — сестру, потому что кровь ничего не значит, когда тебя выбрали стать одним из Дэмпси. И любить кого-то, значило поддерживать его в том, что ему нужно, что вам обоим нужно, так как вместе вы можете преодолеть что угодно.

Разорвав поцелуй, Гейдж нежно оттолкнул Брейди и провел рукой по его шрамам. По тому, что на виске, и тому, который спускался по лицу. По тем, что покрывали правую сторону его груди. Он вернулся и положил руку ему на сердце, шрамы на нем были скрыты,

но не менее болезненны.

— Как ты получил их?

— Ты знаешь основное. Пару лет назад история нашего выдающегося мэра стала важной новостью.

— Это только та версия, которая создала имидж Эли Куперу.

— Это не похоже на другие отметки на моем теле. Я не выбирал этого, — проговорил Брейди тихим, предупреждающим голосом.

— Что не делает это менее значимым. Из всех меток, покрывающих твою кожу, я бы сказал, что эти самые важные. И сейчас я хочу услышать о них от тебя лично.

***

Брейди взглянул на Гейжда, желая, чтобы тот отступил. Просто оставил все как есть. До тех пор, пока они могли наслаждаться телами друг друга в подчеркивающем все достоинства свете, зачем все усложнять? Но эта сильная версия Гейджа не собиралась уступать хмурому взгляду Брейди.

— Это была ошибка, — схватив джинсы, Брейди просунул в них по очереди каждую ногу и начал подтягивать движениями, говорящими закрыли-тему.

Гейдж натянул боксеры и обогнул кровать, чтобы встать перед ним.

— Может, фантастический секс и вынес все эти эмоции, к которым ты не готов, на поверхность, но тебе следует прекратить быть гребаным ребенком и бороться.

Болвал ни хрена не понял. Брейди вскочил, джинсы все еще не застегнуты, член снова твердый от выброса адреналина. Положив предплечье на грудь Гейджа, он прижал его к комоду, давая понять парню, какую силу Брейди не мог контролировать, когда спал.

— Ты не слушал. Пять минут назад я схватил тебя за горло и чуть не задушил, потому что думал, что ты собираешься убить меня. Каждую ночь, я просыпаюсь, сражаясь с ними, думая, что этой ночью сделал все, как надо. Сделал то, чего не смог шесть лет назад.

Гейдж положил руку на предплечье Гейджа и погладил его, словно тот был загнанным животным.

— Чего ты не смог сделать?

— Пустить пулю ему в голову.

Брейди не сомневался, что Гейдж храбрее любого из всех, кого он знал. Парень вырос в семье надирающих задницы пожарных, в братстве огня, в котором правили мужество и самопожертвование. Каждый день он рисковал жизнью, чтобы помочь другим. Рассказать этому мужчине, которым он так сильно восхищался, о том, как потерпел провал, и наблюдать, как его уважение гаснет, — это убьет Брейди. Тем не менее, именно это и должно случиться.

— Я не могу спать, когда ты со мной в кровати, потому что могу навредить тебе. Не могу трахать тебя, потому что могу навредить. Не могу... — он махнул рукой, позволяя Гейджу самому продолжить. То, как помрачнел Гейдж дало понять, что он знал окончание.

“Не могу любить тебя, потому что... я гребаная киска”.

— Что произошло? Расскажи мне. Позволь тебе помочь.

— Я не убил его.

— Кого?

Брейди сел обратно на кровать и потер рот рукой.

— Лидера. Он был худшим. Любителем электродов и кислоты и всего прочего, что заставляет тебя кричать, как маленькую девочку. Шел шестой день и они так ничего не добились от нас. Просто тыкали в нас из спортивного интереса. Они собирались убить нас. Это буквально висело в воздухе. После всего, что они сделали со мной, я выглядел как статист из дешевого фильма про живых мертвецов. И все-таки я думал, что, когда придет время, у меня хватит сил покончить с этим. На адреналине можно и не то сделать, знаешь ли?

Гейдж молча кивнул, зрачок в его глазах расширился настолько, что практически заполнил всю сияющую голубую радужку. *“Держись, Золотце. Ты же хотел услышать это”*.

— Днем ранее Эли обнаружил их слабое место, — один из них оставлял пистолет без присмотра. Все произошло так быстро, что мне пришлось промотать это в голове раз десять, прежде чем я понял, что происходит. Эли схватил пистолет и шесть секунд спустя снял двоих из них и нейтрализовал лидера выстрелом в плечо. Освальд^[30] и рядом с ним не стоял. Он спас наши жизни, устроил все так, что мы сразу же могли свалить оттуда. Он мог бы убить главного ублюдка, но...

— Но что?

— Он оставил его мне.

Брейди не мог смотреть на него, рассказывая дальше. Холод, сковавший его сердце, растекся ледяными потоками по венам. Так странно, учитывая, что вспомнить он мог только жар пустыни и тепло крови Хейнса, вытекающей из его тела сквозь пальцы Брейди, пока он зажимал рану.

— Эли вложил пистолет мне в руку. Меня всего трясло, я с трудом мог стоять, едва удерживал его. Он сказал мне сделать это. Чувак лежал там, уставившись на меня со всей этой ненавистью в глазах, ко мне, к Америке, и бог знает, к чему еще, и удовольствием от того, что получит пулю... — Брейди напряженно вздохнул. — Эли пытался дать мне это, потому что знал, что я чокнусь, если не закончу все сам.

Гейдж стал бледным, как мел.

— Что было дальше?

— Я не смог сделать этого. Мои пальцы будто заклинило, а может все дело было в мозге. И Хейнс, мой старший сержант... — *Дерьмо, дерьмо, дерьмо.* — Мой старший сержант Хейнс подошел слишком близко. Лидер не был настолько слаб, насколько мы думали, и у него был нож. Хейнс нанес удар лидеру в голову, за что получил ножом в бедренную артерию. — Пустоголовый придурок. Все, что ему нужно было делать, оставаться вне зоны досягаемости, позволить Брейди разобраться. Позволить своему командиру закончить работу. Практически на свободе и секундное колебание со стороны Брейди — привело к катастрофе первого уровня.

— Как только нож разрезал ногу Хейнса, Эли схватил пистолет и сделал то, что должен был сделать я, прямо между глаз. Через три минуты Хейнс истек кровью, — его крики прекратились уже спустя две, но продолжали звучать в голове Брейди шесть лет. — Эли вытащил меня и еще одного парня оттуда.

Гребанный Эли. Он толкнул Гейджа к Брейди, потому что думал, что Брейди просто нужно потрахать с кем-то, чтобы излечиться. Что ж, у него был отличный секс с

великолепным парнем и он остался в таком же раздрае, как и всегда. На самом деле, все стало только хуже, потому что сейчас, закрывая глаза, ему приходилось беспокоиться о ком-то еще, кроме себя. У него был Гейдж.

Брейди встретил испуганный взгляд голубых глаз Гейджа.

— Шесть лет я не хотел никого видеть рядом с собой, пока не встретил тебя. В то время мое тело было предателем. В той пустыне оно было слабым, восстало против меня и я выбрался оттуда с ощущением того, словно не мог доверять ему. Удовольствие, которое я получаю с тобой, эта... *потребность* в тебе, — я не могу доверять этому. Это тот спусковой крючок, который раскроет то, что у меня внутри.

— Брейди, мы здесь говорим не о Кракене, — улыбнулся Гейдж, улыбка вышла вялой, но усилия, которые он приложил для этого, растопили сердце Брейди. Черт, он действительно думал, что это можно исправить. — Это нормально — нуждаться в ком-то, полагаться на кого-то.

— А как насчет того, что я просыпаюсь, думая, что меня снова удерживают силой, когда все что ты делаешь — это обнимаешь меня и прижимаешь ближе?

— Я буду спать в пупырчатой пленке. Мы может сделать это.

— Гейдж, я — граната с выдернутой чекой. Я *причиню* тебе боль. Может, не на этой неделе или не на следующей, но, в конце концов, ты проснешься, когда я буду душить или избивать тебя. Или ты можешь вообще не проснуться.

Ответом было яростное мотание головы Гейджа.

— Мы ходим к терапевту. Вместе. Справимся с этим. Вместе.

После всего, что Брейди только что сказал ему, этот красивый парень все еще видел перспективы. Время покончить с этим сказочным дерьмом.

— Мы просто трахаемся, Гейдж. Не так часто, к тому же.

Лицо Гейджа побледнело, потеряло всякое выражение. Иисус, это было похоже на пинание щенка.

— Я могу мириться со многим, Брейди. Ты не поверишь, что я могу вытерпеть. Я могу провести нас через это...

— Что ты знаешь о терпении, Гейдж? У тебя эта идеальная жизнь и семья, ничто не беспокоит тебя. Ты думаешь, что все можно исправить долгим разговором и еще более долгим сексом и хороший счастливый мир тут же снова полюбит тебя.

Вот оно. Выражение боли сменилось яростью. Отлично. Самое время золотому богу разозлиться на что-то. Брейди пришлось хорошенько покопаться в своих запасах, как быть мудаком, чтобы добиться этого. Он подготовился к проявлению характера Гейджа.

Но, как обычно, этот парень отказывался следовать сценарию.

— Ты прав, — нагнувшись, Гейдж схватил свои джинсы и футболку и натянул их на себя.

Подождите-ка, он должен быть злее, чем самка осы.

— Гейдж...

Он поднял руку и посмотрел на Брейди таким острым взглядом, который тот никогда не видел у Гейджа.

— Ты прав, Брейди. Я вряд ли могу понять то, через что ты прошел, потому что я живу, действительно, благословенной жизнью. Да, она была дерьмовой, когда я был ребенком, но потом мне повезло попасть к Дэмпси. И пока я терял людей, которых любил, моя семья была рядом и помогала мне пройти через это. В итоге, я счастливый сукин сын.

Он потянулся за ботинками и ослабил шнурки.

— Мне нравится быть пожарным, танцевать в барах с горячими парнями и висеть со своей семьей и друзьями. Я не особенно глубоко мыслю, у меня довольно высокое мнение о себе и я не принимаю свою жизнь слишком всерьез, — его взгляд поднялся вверх по покрытому шрамами телу Брейди и остановился на угрюмом лице. — Ты всегда считал у себя в голове, что такому парню, как ты, нечего предложить мне, но на самом деле, все наоборот. Ты никогда не видел во мне потенциального парня для отношений. Никогда не видел меня достойным разделить с тобой проблемы. Я просто парень с билбордов, сексуальная фантазия, которая хороша на короткое время, но, видит бог, ты не приведешь его домой, чтобы познакомить с родителями.

Пока Гейдж натягивал ботинки, Брейди искал правильные слова, чтобы все сгладить. Вернуться к первоначальному веселью и флирту. Как обычно, ничего не приходило на ум. Чувства унижения и провала сражались у него в душе.

И что-то еще. Болезненное осознание того, что Гейдж был прав.

Гейдж встал и посмотрел на Брейди своими ясными голубыми глазами.

— Мое сердце бьется сильнее, когда я с тобой, но, возможно, все дело просто в гиперактивных гормонах или члене, который управляет мной. Я мог бы сказать тебе, что влюбился, но ты только что сказал, что я сошел с ума, чтобы даже думать об этом...

Он безнадежно взмахнул руками, словно не мог до конца поверить, что все кончено.

Все кончено.

Тихий звук шагов озвучил то, как он направился к двери, затем послышался скрип, Гейдж быстро развернулся и вернулся обратно. Голубые глаза блестели, а волшебный рот скривился, прежде чем он нежно коснулся губ Брейди. Так мимолетно, словно ничего и не было.

— Черт, я все равно собираюсь сказать это. Я люблю тебя, Брейди Смит. Это не имеет никакого смысла и не позволяет мне чувствовать себя так хорошо, как должно бы, но я люблю тебя. Я только хочу, чтобы ты поверил в это, в нас, так, как верю я. Говоришь, что можешь навредить мне во сне или что эти шрамы делают тебя жалким или что мы, как масло и вода, но мы оба знаем, что это просто отговорки. Настоящая причина в том, что ты не считаешь, что заслуживаешь быть любимым, и если таково твое отношение, значит ты потратишь впустую свою жизнь, довольствуясь чем-то второстепенным, — от его улыбки, грустной и прекрасной одновременно, грудь Брейди сжалась. — Я хотел бы сказать, что было весело, но не было. Совсем нет. Может, веселье переоценивают. Может, все и должно ощущаться запутанным и болезненным.

Он пошел к двери, менее самодовольно, чем обычно, его шнурки болтались не завязанными. Один вид уязвимости, намек на несовершенство у этого обычно безупречного золотого бога просто убивал Брейди.

Взявшись за дверную ручку, Гейдж повернулся.

— Эй, сколько людей может сказать, что шеф назвал в их честь сэндвич? Вероятно, не так уж много. Береги себя, Брейди, — и затем он ушел.

Брейди прижал пальцы к губам, пытаясь удержать тепло последнего поцелуя Гейджа. Но его губы уже остыли. В отличие от кошмара, в котором надо было всего лишь открыть глаза, чтобы все плохое исчезло, не было никакой возможности спрятаться от этого.

Гейдж помешал чили и вернулся к нарезке лука, следя за временем, оставшимся до окончания готовки кукурузного хлеба. Еще пять минут и он вытащит его из кухонной духовки ПО №6.

— Отлично пахнет, Симпсон, — Джейкоб заглянул ему через плечо, чтобы посмотреть что такое удивительное кипит в кастрюльке на плите. — Но ты не считаешь, что чуточку переборщил?

Парень поднял бровь, глядя на столешницу из нержавеющей стали, заставленную пластиковыми контейнерами для хранения еды. Курица пармезан^[31] и марсала^[32], рагу из свинины и говядины, готовые к заморозке. И Гейдж уже приготовил к нарезке ингредиенты для ирландского рагу.

— На следующую неделю будет куча еды, — Гейдж всегда находил утешение в приготовлении пищи: когда Мэри умерла от рака груди, когда Шон и Логан погибли на пожаре два года назад, каждый раз, когда ему разбивали сердце. Плита была его поддержкой, равномерный стук ножа — его спасением.

За исключением этого раза, не важно, сколько Гейдж нарезал, перемешивал и взбивал, он не мог скрыться от боли после разрывов с Брейди той ночью в квартире.

— Как там Тоби? — спросил он Джейкоба, отчаянно желая отвлечься.

Джейкоб пожал плечами, а затем добавил дерзкую улыбку.

— Без понятия. Но Майкл вполне себе неплохо.

Гейдж положил руку ему на плечо.

— Попрыгунчик, а ты далеко пошел. Ученик превзошел учителя.

Пара пожарных из смены В зашла внутрь и Джейкоб отскочил назад, очевидно пытаясь установить гетеро-допустимое расстояние между его телом и Гейджем. У Гейджа не было сил даже на то, чтобы рассердиться. Если парень хотел играть я-люблю-кисок мачо в пожарном отделении, так и быть. Кто такой Гейдж, чтобы судить жизненный путь другого парня.

Даже Брейди.

“Пора уже покончить с этим, Симпсон”. Потому что сейчас он чувствовал себя полностью опустошенным. Предыдущие разрывы отношений, в большинстве из которых он и был инициатором, оставляли его ворчливым, желающим поскорее убраться подальше и доказать, что ничто не удержит Гейджа Симпсона и его член. Блять, он не был серьезным и отзывчивым парнем. Любящим веселье гулякой, которому нравилось танцевать, пить и трахаться. Слишком ветреный для чего-то серьезного, именно это Брейди и распознал.

Если быть честным, то сделал ему одолжение. Гейдж был в самом расцвете своих разгульных лет, и если он собирался начать все это милый-я-дома, две-зубные-щетки-в-одном-стакане, не-отсасываю-другим-парням, то какого черта он выбрал кого-то с таким багажом проблем? Особенно, когда у него была куча своих собственных. Его сердце кольнуло, когда он подумал о своей маме и пожелал, чтобы у него была возможность поговорить с кем-то об этом, кто выслушал бы, не осуждая.

Как Брейди. Но Гейдж никогда не хотел вываливать свои проблемы на парня, у которого и своего дерьма не разгрести. Возможность делиться с кем-то проблемами была сама по себе проблемой, которая этого не стоила.

Таймер на духовке запищал, и Гейдж схватил рукавицы, чтобы вытащить кукурузный хлеб, надеясь, что в ближайшие полчаса не поступит никаких вызовов от диспетчера. У него на очереди было ирландское рагу.

***

Как только его плечо начало заживать, Брейди понял, что пора беспокоиться о том, как бы не нанести себе новую травму. Если он продолжит в том же духе, то отрежет себе все пальцы.

Ему действительно не следует использовать острые ножи.

По крайней мере, не для того, чтобы нарезать овощи для мирпуа^[33]. Впрочем, рядом, опираясь на блестящую хромированную столешницу кухни “Смит & Джонс” стоял, одетый в сшитый на заказ костюм, парень, которого Брейди не отказался бы нарезать на мелкие полоски.

Эли поднял пустую овощерезку-мельницу и включил ее, жужжащий звук был последней каплей для распатанных нервов Брейди. Он медленно положил нож, забрал овощерезку от Эли, словно тот был непослушным ребенком, и поставил вне его досягаемости.

— Ты тут уже двадцать минут и только и делаешь, что задаешь идиотские вопросы о том, для чего нужен каждый прибор.

— Четыре разных измельчителя — это перебор, тебе не кажется?

— Переходи уже к делу, Эли.

— А я-то думал, может, ты сам захочешь выговориться, и мне не придется разыгрывать из себя доктора Филадельфии.

— Не о чем говорить, — Брейди снова взял нож и, прижимая его кончиком к доске, начал медленно нарезать морковь. Чувствуя, как в душе зарождается злость, он бросил нож. — Нет, подожди секундочку. Может нам стоит поговорить о том, как ты суешь свой нос в мою жизнь, мистер Сваха. И о том, откуда ты вообще, черт возьми, знаешь, что что-то “произошло”? — Как только Гейдж вышел за дверь, Брейди не кинулся к телефону, чтобы обзвонить всех своих подружек.

— Я чертов мэр. Я знаю все, — он приподнял бровь. — А что касается моего сватовства, как ты назвал это, я подумал, что, возможно, ему удастся вывести тебя из этого тумана, в котором ты блуждаешь с момента отставки.

— Все было не так уж плохо.

Взгляд Эли был красноречивее слов. *“Помнишь, как я нашел тебя, когда ты скрывался от всех в том замызанном отеле в Кабо, с бутылкой Джека в одной руке и пистолетом — в другой? Или деньги, которые я одолжил тебе на обучение у Клода Делона в Париже? Разве тот факт, что именно я и есть Джонс в “Смит & Джонс” ничего не значит для тебя?”*

Брейди знал, что уже многим обязан Эли, но это не давало ему позволения крутить этим как какому-то кукольному мастеру.

— Лучше заочнить все, пока мы не зашли слишком далеко, — он провел последние два дня придумывая у себя в голове доказательства в пользу разных вариантов этого утверждения. Дело было не только в том, что он мог навредить Гейджу физически и даже не

осознать этого. Рано или поздно, Гейдж достигнет своего жесткого предела, потому что даже у мистера Лучезарного был свой потолок.

Эли издал звук, который можно было перевести примерно как “ты — эмоциональный калека”.

— А что ты думал должно случиться, Эли? Такой парень... — острое чувство разочарование не позволило словам вырваться наружу. Он хотел прибить своего, так называемого, друга за то, что тот столкнул его с Гейджем. За то, что тот позволил ему думать, словно он может сосуществовать в одной Вселенной с таким мужчиной.

— Может, я и облегчил знакомство, но вы оба взрослые люди, дальнейшее зависело только от вас. Почему, как ты думаешь, он преследовал тебя? По сути, даже дважды, потому что ты был слишком большим идиотом, чтобы понять с первого раза.

— Потому что он скучал. Потому что ему нравится вызов.

— Ух ты, отличная причина, Брейди, не забудь про еще один важный аргумент. Секс. Вот почему. Который, к слову, как я думаю *такой парень* может получить где угодно. Пока ты варился в своих дурацких “что если” сценариях, он гонялся за тобой, бестолковым идиотом, чтобы трахнуть, — Эли положил руку ему на плечо и проговорил своим лучшим гламурным голосом. — О. Мой. Бог. Так вот что произошло? Ты повел себя как бестолковый идиот?

Брейди стряхнул прочь его руку.

— Я прекрасно справлялся без твоего вмешательства.

Эли продолжил смотреть на него одновременно непреклонным и нежным взглядом.

— Шесть лет назад один из членов твоей команды умер у тебя на глазах. *У нас* на глазах. Мы все облажались, но особенно я, потому что мне следовало закончить все, когда был шанс. Вместо этого я оставил это своему другу, который пережил самое худшее ради своих людей и едва не спятил от такой боли, которую никто никогда не должен испытывать. Вина за это на мне.

— Эли...

— В тот день было принято пару неудачных решений, Брейди. Ты, я, Хейнс, каждый из нас виноват. Но так сложились события и вот как все обернулось. Ты получил по полной, твое тело было обезображено и, давай скажем прямо, в тебе всегда была эта мученическая жилка, поэтому ты уже был в проигрыше.

Брейди фыркнул.

— Сукин сын.

Эли коротко улыбнулся.

— Ты еще не устал от страданий, Брейди?

Боже, да.

Он вздохнул так глубоко, как смог. И все-таки было недостаточно. Не могло быть с тех пор, как Гейдж ушел, даже не завязав шнурки, оставив мир Брейди все в тех же руинах. Он ощущал себя так, словно его легкие разорвались, а сердце пропустили через эту овощерезку-мельницу. И это было не важно. Эти органы были не нужны, потому что причина, по которой Брейди дышал и любил, ушла.

У него не было слов, но это было нормально, потому что у Эли Купера, мужчины, который мог уговорить даже собак спрыгнуть с грузовика с мясом, были *все* эти слова. Мудак.

— Тебе пора позволить себе, наконец, наслаждаться жизнью, которую ты построил, и

людьми, которые есть в ней. Бог знает почему, но Гейдж Симпсон помешан на тебе, и хоть он настолько же удивлен по этому поводу, как и ты, по-крайней мере, он не боится принять это.

В глубине своего сердца Брейди знал, что Эли был прав. Доверие всегда было проблемой. Он хотел поверить в самого себя, в любовь Гейджа к нему, в возможность того, что он заслуживал чего-то хорошего.

Брейди посмотрел на своего друга, пытаясь понять, как он сможет отблагодарить его за все сделанное. Эли просто выдал свою улыбку, которая позволила ему оказаться в списке Самых сексуальных мужчин года по версии журнала “*People*”. Дважды.

— Кто бы знал, что ты такой романтик, Эли Купер?

— Замолкни, мы же не хотим, чтобы все об этом узнали, — сказал он, подозрительно оглядываясь вокруг на пустую кухню. — Иначе моя карьера в политике будет окончена.

***

Выйдя наружу на не греющий солнечный свет, Гейдж ощутил, как вся тяжесть происходящего навалилась на его плечи, вдавливая в землю. Сегодня у Эммалин никаких изменений, что для него могло трактоваться как угодно. Хорошо, что ему не придется ничего решать, и плохо, что он завис в этой глубокой душевной дыре из неведения. Примирилась ли она с тем, каков Гейдж, прежде чем болезнь повредила ее разум? Или ее взгляд на это остался таким же твердым, как комок боли, застывший в груди Гейджа?

Он поднял глаза и его сердце ожило вместе со взглядом. Мускулистый, татуированный мужчина прислонился к “Харлею Дина Глайд”, припаркованному на стоянке перед Домом престарелых “Хиллвью”. Это не должно было ничего значить и все же, каким-то образом, значило *всё*.

— Так ты снова в седле?

Брейди кивнул и его большое, поджарое тело оттолкнулось от байка. Он подошел к водительской двери грузовика Гейджа.

— Я заехал к тебе и Алекс рассказала мне о твоей маме. Тебе следовало сказать об этом, Гейдж.

Вот почему он держал ситуацию с Эммалин в тайне. Вмешательство в дела членов семьи было любимым времяпровождением Дэмпси, поэтому он молчал до вчерашнего дня, пока не столкнулся в баре с Алекс и та спросила, кто умер. Теперь они с Люком злились, Бэк понимающе кивал, а Уай шурился, как Клинт Иствуд в спагетти-вестерне [\[34\]](#).

— У тебя и своих проблем хватает.

— Не настолько, чтобы я не смог помочь тебе. Как ты помог мне.

Брейди, вероятно, не знал, как сильно помог Гейджу за эти последние пару недель, но сейчас он справится со всем сам. Гейдж Мастер-чинить-то-что-сломано был в деле.

— Я в порядке, — сказал он, хоть Брейди и не спрашивал.

Гейджу пришлось обойти этого огромного мужчину, чтобы дотянуться до ручки грузовика. Шеф стоял неподвижно, просто глядя на него, видя насквозь.

— Я в порядке, — повторил Гейдж, на этот раз более настойчиво. Громче, чтобы это звучало правдоподобно.

Ублюдок продолжал делать то же, что и обычно. Глаза наполнились печалью. Выставленные напоказ гребаные шрамы, которые кричали, что его боль была настоящей и глубокой, и как смеет Гейдж Симпсон даже думать о том, что имеет право испытывать боль. Он пережил кошмар, будучи ребенком, и все же ему уже не должно быть больно. Он нашел любовь с Дэмпси и ему уже не должно быть больно.

— Мне это не нужно, — сказал Гейдж.

— Еще как нужно. Ты не должен проходить через это один.

Нет. Если он начнет думать об этом, говорить об этом, то слова и воспоминания и боль снова обретут власть над ним. Он будет очередным печальным лузером-гомиком с хреновой историей, пробивающим свой путь через страдания.

Брейди прижался ладонью к его щеке и это прикосновение, *ох*, Гейдж ненавидел себя за то, что так жаждал его.

— Гейдж, ты не один.

— Знаю, — ответил он с усмешкой, проходящей под номером три в его репертуаре, немного дьявольской, яркой настолько, насколько возможно. — У меня есть моя семья, мои друзья, солнышко, которое светит из задницы двадцать четыре на семь. Люди заботятся обо мне, парни хотят трахнуть меня и весь мир в моем распоряжении, так что не надо так на меня смотреть, Брейди Смит, — он провел рукой по волосам, чтобы скрыть неуверенность своей улыбки. — Просто. Не надо.

— И я. У тебя есть я.

— У меня нет тебя. *У тебя самого* нет себя.

— Гейдж, я облажался. Я плох в свиданиях и отношениях или в том, чтобы быть, ну, нормальным. Я просто идиот, пытающийся найти свой путь без карты или GPS. Но дело не только во мне. Ты требовал честности и даже не поделился со мной тем, через что сам проходишь. Может я ни хрена и не смыслю в отношениях, но чертовски точно уверен, что это работает не так.

Гейдж выдавил что-то, что предполагалось быть смешком, но прозвучало так, словно он закашлялся.

— Ты прошел через худшее.

Брейди рассмеялся, и этот звук заставил Гейджа сделать шаг назад от сумасшедшего мужчины на стоянке. Он все-таки рехнулся.

— Это не соревнование, Гейдж. Никто не ведет книгу учета того, чья боль была более сильной. Я знал, что с тобой что-то происходит, но был слишком заиклен на себе, чтобы надавить и узнать. Мне следовало и я сожалею. Теперь я знаю, что сильнее, чем предполагал, и по большей части из-за того, что ты в моей жизни. Ты позволял мне опереться на тебя. Теперь настало время позволить мне быть тем, кто тебе нужен.

Брейди положил руку на грудь Гейджа, впитывая удары его бешено бьющегося сердца. Никто не стеснялся трогать Гейджа, он был человеком, очень любящим тактильный контакт, но от прикосновений Брейди, парня, для которого физический контакт был подобен наказанию, в груди Гейджа все сжималось. Рот Брейди встретился с его, теплый, нежный поцелуй был полной противоположностью его внешнему виду. Это звучало странно, но именно так Гейдж мог описать происходящее.

— Ты в порядке, Золотце.

Гейдж рассмеялся, не отрывая губ от мужчины, которого так сильно любил.

— Разве не эти же слова говорил я, мудака?

Брейди сжал его в крепком объятии, его жесткие мышцы против жестких мышц Гейджа, и проклятье, быть вот так обнятым его сильным телом, ощущалось чертовски хорошо. Он не осознавал, как сильно нуждался в этом мужчине, пока не потерял его. Они стояли так долгие мгновения, Гейдж никогда не чувствовал, словно нужно что-то сказать, потому что Брейди мог ждать его вечно.

Он был таким сильным.

— Не знаю, чего я ожидал. Я думал, что теперь, когда вырос, она больше не может причинить мне боль и будет в моей власти, но она не смогла дать мне даже этого. Эммалин не может даже достаточно долго оставаться в сознании, чтобы оставаться самой собой — женщиной, которую я ненавидел и любил и ненавидел снова. Мне было нужно, чтобы она снова стала сумасшедшей мамашей хотя бы на шестьдесят секунд, чтобы я мог высказать все, что хочу. Но она не может даже... черт, не может...

Брейди обнял его крепче.

— Не то, чтобы я просто хотел доказать ей, что справился без нее. Я хочу... хочу простить ее. Хочу попытаться понять ее.

Брейди вздохнул. Понятно, это *было* немного сумасшедше.

— Нормально чувствовать раздражение, и злость, и грусть. Нормально ненавидеть ее и любить одновременно. Хотя и не знаю, нормально ли для тебя продолжать эти визиты.

Гейдж сглотнул и отстранился.

— Потому что это превращает меня в угрюмого Гейджа.

— Я люблю угрюмого Гейджа. Счастливого Гейджа. Принцессу Гейджа. Каждый оттенок Гейджа мне нравится, — Брейди погладил его по щеке. — Каждый, кроме страдающего Гейджа. Если хочешь мучать себя, проводя время с ней, дело твое. Но это окошко, когда она сможет услышать тебя, может никогда и не открыться, и ты обретешь только разочарование. В итоге твое терпение кончится и ты выскажешь все. Она не поймет тебя и ты продолжишь злиться.

Он знал, что Брейди был прав, но Гейдж Симпсон не был трусом. Вместо того, чтобы обсуждать это сейчас, он решил сосредоточиться на чем-то более приятном и немного более крышесносном.

— Знаю, предполагается, что я должен поглощать всю эту мудрость, которую ты так щедро раздаешь, о, наимудрейший...

Брейди зарычал. Так охрененно сексуально.

— Но я уловил, как ты сказал кое-что еще.

— М-да?

— Ты сказал, что любишь угрюмого Гейджа.

— Я так сказал. Кроме того, я сказал, что люблю счастливого Гейджа и Принцессу Гейджа.

Гейдж улыбнулся.

— В любых других обстоятельствах, я бы поспорил о принцессе, но мои эмоции немного сумбурны. Как насчет того, чтобы рассказать мне поподробнее об этих любовных признаниях?

Брейди выдержал его взгляд.

— Шесть лет назад я сломался, — не нажал на курок и потерял члена своей команды. Все произошедшее, сильно повлияло на меня и я считал, что меня уже нельзя исправить. Может, я никогда и не стану нормальным. Может, нормальный я и не встретил бы тебя,

потому что этого парня, со всеми его сломанными частями необходимо вернуть на живую землю с помощью горячих поцелуев и удивительных минетов и медленного, страстного секса. Ему нужно попытаться.

Должно быть, это было самым романтичным из всего, что Гейдж когда-либо слышал.

— Что ж, пытаться — это сексуально.

— Точно. И я хочу попытаться с тобой, — он прижался своим лбом ко лбу Гейджа, интимность этого жеста была как бальзам на его истерзанную душу. — Вся эта ситуация с твоей мамой, Гейдж... если тебе нужно накричать на кого-то, накричи на меня. Громко и не сдерживаясь, потому что я смогу выдержать это.

— Ты бы сделал это для меня?

— Я бы сделал что угодно для тебя, Гейдж.

Гейдж уставился на Брейди, пытаясь сформулировать ответ.

— Хотел бы ты... может, познакомиться с ней? — он посмотрел через плечо на “Хиллвью”, где его мама существовала в своем странном, сером мире. Со временем Гейдж расскажет Брейди о том, сколько боли она причинила ему, но сейчас он просто хотел, чтобы этот сильный, невозмутимый мужчина был на его стороне. Во всем.

Брейди кивнул.

— Когда бы тебе не понадобилось это. Я здесь.

Сердце Гейджа взорвалось и в тот же момент вся эта горячая субстанция преобразовалась, стала сильнее. Нерушимой.

— Я люблю тебя, Брейди. Я действительно люблю тебя.

Услышав это заявление, прежний Брейди выглядел бы стесняющимся, раздраженным, смущенным или сочетанием всех трех состояний. *Нынешний* Брейди даже не потрудился выглядеть удивленным.

— Знаю, — ответил он как ни в чем ни бывало.

— Знаешь? *Ты знаешь?* Ты только что ответил мне прям как гребаный Хан Соло в Звездных войнах^[35]?

Может, у Брейди был пунктик по поводу этих намеков про принцессу.

Его губы сложились в кривую ухмылку.

— Не переживай, Золотце. Может я и не буду говорить тебе об этом каждую секунду каждого дня, но ты никогда не будешь сомневаться в моих чувствах к тебе. Будешь вспоминать об этом, читая мое меню, или принимая душ со мной, или ощущая жжение в своей горячей заднице, потому что я часами находился внутри тебя предыдущей ночью. Миллион небольших намеков сделают это предельно ясным, — он притянул Гейджа для еще одного поцелуя. — Но потому что ты скрытный тип, который кажется страдает от неуверенности в своей привлекательности для других парней, я избавлю тебя от мучений. Я люблю тебя, Гейдж Симпсон. Достаточно хорошо?

Гейдж рассмеялся, наслаждаясь тем, как вытацил такой удивительное признание в чувствах от своего обычно угрюмого, молчаливого шефа.

— Лучше, чем хорошо. Просто высший класс.

— Уверен, что можешь справиться с этим?

Гейдж ударил Брейди осуждающим взглядом.

— Вся эта сила, вибрирующая между моих ног, заставляет мои яйца дрожать, а мой член...

— Просто надень шлем, Золотце.

С пиратской усмешкой, бормоча “не прошло и гребаных три года”, Гейдж закрепил шлем и расположил свои длинные, сильные ноги по бокам от бедер Брейди. Боже, чувствовать его у себя за спиной было подобно раю, и не только на байке. Воспоминания о тех ощущениях, когда грудь Гейджа прижималась к спине Брейди в душе, когда они спали, и да, на столе в “Смит & Джонс” (наконец-то), поддерживали Брейди, когда они были не вместе.

Жизнь была слишком жестокой и запутанной, чтобы предполагать, что любовь могла все исправить, но это было началом. Брейди посещал терапевта, выговариваясь за двойную плату в час, надеясь увидеть прогресс раньше, чем обанкротится. Хотя Брейди и не был согласен с тем, что это ему на пользу, Гейдж навещал свою маму, а затем выливал свое разочарование на Брейди. Сдерживать обещание и продолжать быть опорой Гейджу было не всегда легко, но это было частью того, что называли отношениями.

— Итак, это... свидание? — голос Гейджа был полон притворной насмешки.

— Заткнись, умник, и держись крепче.

Брейди пообещал прокатить Гейджа на байке, и теперь, когда его плечо полностью излечилось, смог выполнить обещание. Стоял ранний октябрь, начинало холодать, но жар, исходящий от рук, обхватывающих его талию, более чем компенсировал это. Гейдж быстро разобрался в этом деле с крепкими обнимашками и ловко наклонялся на поворотах. Они вдвоем, идеальная синхронность.

Их конечной целью был "Драйв", но Брейди сначала нужно было кое-где остановиться. Послеобеденное движение на Западной Авеню было плотным, поэтому у них заняло какое-то время добраться до места назначения.

— В чем дело? — услышал он из-за спины, когда они припарковались. Брейди так хотел обернуться, чтобы засвидетельствовать тот момент, когда Гейдж поймет, где они оказались и почему. Вместо этого он растянул предвкушение еще на пару захватывающих мгновений.

Одно.

Второе.

— Эй, куда, черт возьми, я делся?

Сняв шлем, Брейди оглянулся через плечо. Гейдж тоже сбросил свой шлем, чтобы подчеркнуть свое раздражение. По-видимому, не удовлетворившись такой свободой, он прыгнул с байка и указал наверх.

— Этот билборд должен быть занесен в городской реестр исторического забвения!

— Исторического забвения?

Гейдж махнул рукой в направлении билборда на углу Западной и Диверси.

— Скажи своему лучшему другу, мистеру мэру, вернуть все, как было. Этот котенок и мое горячее тело сделало кучу людей счастливее. Каша, — он с отвращением снова показал на замену, рекламу ирландской овсянки, — не сделает счастливым никого.

Брейди устроил свой шлем на сиденьи между ног.

— Оу, малыш, не стоит так злиться. Я уверен, что эта овсянка приносит счастье многим людям. Она чудесна холодным зимним чикагским утром, — он притянул Гейджа к себе и обнял его за талию. — Знаешь, для всех сейчас стало безопаснее, когда отвлекающий билборд убрали.

Его золотой бог поцеловал Брейди издав низкий, сексуальный стон.

— Мой первый раз на байке и ты разрушаешь мои иллюзии. Что ж ты за бойфренд такой.

— Тебе не нужно восхищение незнакомых людей, когда у тебя есть мое. Я буду обожать это горячее тело с билборда и держать тебя в тепле.

— Как овсянку холодным чикагским утром?

— Точно, — он захватил губы Гейджа и вдохнул свое обещание ему в легкие.

— Покажи мне.

— Что?

Гейдж потянул Брейди за низ футболки и скользнул пальцами за пояс джинсов.

— Гейдж, не здесь, — целовать этого парня на оживленной улице Чикаго было одним делом, и даже это было тем уровнем проявления чувств, к которому Брейди не привык, сверкнуть обнаженной кожей — это совсем другое. Но Гейдж не унимался.

— Да, здесь. Хочу снова увидеть ее.

Сейчас новая татуировка полностью зажила, и даже учитывая то, что тело Брейди было в изобилии расписано чернилами, эта тату выделялась среди всех остальных. Расположенные на бедре лучистое солнце, соединенное с полумесяцем. Единство света и тьмы, инь и янь, противоположные энергии, которые вместе создавали гармонию, баланс и силу. Дарси превзошла себя.

Взгляд Гейджа потемнел от желания.

— Лучше бы ты набил мое имя.

— Решил, что ты сочтешь это старомодным.

Гейдж улыбнулся, отчего IQ Брейди резко упало, зато член поднялся.

— Итак, какая же история за ней стоит? — спросил он, само воплощение скромности.

— Просто Солнце и Луна. Довольно стандартные изображения для татуировок.

Еще одна лукавая улыбка вскоре скрылась, когда Гейдж надел свой шлем. Когда он снова занял свое место за спиной Брейди и крепко обхватил его руками, Брейди подумал о том, что у каждой татуировки, даже у самых заурядных и избитых символов, была своя история.

Когда-то он находился в темной, промозглой дыре, пытаясь выбраться наружу. Тогда это был один шаг вперед, два назад, грязь под его ногтями, колючая проволока вокруг сердца. Но однажды, когда он меньше всего этого ожидал, в его темноту протянулась рука и вытащила его на солнце.

Золотое, теплое, дающее жизнь. Гейдж-мать-его-Симпсон.

Не в силах сдержаться, Брейди улыбнулся так, что заболели щеки, нажал на газ и влился в поток городского движения.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

"Парни снова в городе", Thin Lizzy — ирландская рок-группа, созданная в Дублине певцом и бас-гитаристом Филом Лайноттом, барабанщиком Брайаном Дауни и гитаристом Эриком Бэллом в 1969 году

Харвей Уолбэнгер, по-другому Харвей Крушащий стены, — популярный в США коктейль на основе водки, ликера Galliano и апельсинового сока

исп. - босс

ЧПД

Тамблер — сервис микроблогов, включающий в себя множество картинок, статей, видео и gif-изображений по разным тематикам и позволяющий пользователям публиковать посты в их тамблелог

Велвита - в данном продукте настоящий сыр сочетается со сливочным, из-за чего он не может быть признан сыром, его называют сыросодержащим продуктом или пастеризованным плавленым сыром.

Ломбард - деревушка на западе с населением 43 тыс. человек и площадью 27 км.кв., считается пригородом Чикаго.

Театр шедевров — американский сериал, состоящий из 37 сезонов (1971 – 2012)

фр. — жалок

Викодин (гидрокодон) – наркотический анальгетик, в медицине применяется как болеутоляющее средство

ок. 188 см

Батон-Руж — город на юго-востоке США, столица и второй по количеству населения город штата Луизиана, административный центр округа Восточный Батон-Руж.

“Чикаго Бэарз” — профессиональная футбольная команда, являющаяся членом Северного дивизиона Национальной футбольной конференции.

Джей Катлер — профессиональный игрок в американский футбол, на позиции квотербека.

Каджуны практикуют магию вуду, что, очевидно, и имел ввиду Брейди.

Сайтрек — самый большой гей-бар в городе

переводится как Вид с холма

Jell-O. "Джелло". Товарный знак полуфабрикатов желе и муссов, выпускаемых в порошке, а также готовых желе.

ламберсексуал — в одежде придерживается нарочито небрежного, грубоватого ретро-стиля: футболки, фланелевые рубашки, вязаные свитера, жилетки и шапки на меху

“Заложница” 2008 г., в главной роли Лиам Нисон. Брайан Миллс — в прошлом агент американских спецслужб, сейчас в отставке. Бросил работу ради семьи, чтобы больше времени проводить со своей любимой дочерью Ким. Однажды он с бывшей женой узнает, что их дочь похитили в Париже. После такого известия они первым же рейсом вылетели в Париж. Бывший агент узнает, что у него есть всего 96 часов, дабы спасти дочь. Не растратив своих профессиональных качеств, бывший агент решает не обращаться в полицию и самому разрешить проблему.

1,8 м

Кло Де Дюк — сладкий грушевый сидр.

Красный гид Мишлен иногда также упоминаемый как «Красный путеводитель» — наиболее известный и влиятельный из ресторанных рейтингов на данный момент. Гид выпускается с 1900 года.

игра слов, на англ. Simpson (фамилия Гейджа) - Simpleton (Юродивый)

“История игрушек” — американский мультфильм, созданный студией Pixar совместно с компанией Уолта Диснея.

инфорсер — член гангстерской банды, функцией которого является принуждение к выполнению её требований или приведение в исполнение её приговоров.

“Мальбека” — красное вино из одноименного сорта винограда, богатое тонами спелой сладкой вишни и сливы, сухофруктов, шоколада, пряностей, ванили и бальзамика

Red Hen Bread главный поставщик высококачественного хлеба и выпечки, изготовленной на артезианской воде, в Чикаго и окрестностях.

Джамбалайя — традиционное креольское блюдо, которое готовится на основе риса. Кроме того, в состав этого кушанья также входят томаты, мясо, рыба и разные виды морепродуктов. Кстати, нередко именно так переводится на английский язык слово плов.

Освальд, Ли Харви - единственный официальный подозреваемый в убийстве американского президента Джона Кеннеди. 22 ноября 1963 года во время покушения он за 5,6 секунды совершил три выстрела в машину президента с шестого этажа книжного склада в г. Даллас, штат Техас

Итальянское блюдо из куриной грудки, филе сначала обжаривается в панировке, а затем запекается с томатным соусом и сыром, что делает его нежным и сочным.

Блюдо из курицы — отбитые куриные грудки готовятся с вином Марсала и грибами

Мирпуа, или суповая зелень — овощная смесь в европейской кухне из корнеплодов, луковых и столовой зелени, которая добавляется в бульон для придания ему аромата.

ироническое название одного из видов вестерна, сделанного в Италии или Испании

имеется ввиду момент из Звездных войн. Вейдер собирался заморозить Хана в карбоните, и прежде чем он сделал это, принцесса Лея призналась Хану в любви, а он ответил "Я знаю"